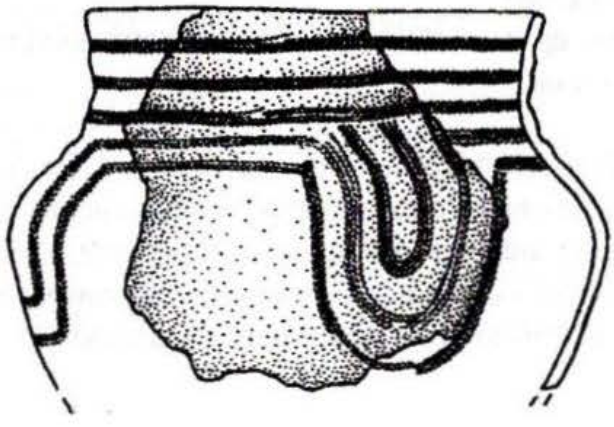
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

С.Н. Санжаров

СТРЕЛОЧНЫЕ НАБОРЫ ИНСТРУМЕНТОВ И СЫРЬЯ ИЗ КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ УКРАИНЫ

Монография



Луганск 2008

УДК 902.2
С 18

Рекомендовано Ученым советом
Восточноукраинского национального университета
имени Владимира Даля

Ответственный редактор: **Братченко С.Н.**, кандидат исторических наук

Рецензенты: **Дергачев В.А.**, доктор исторических наук
Пряхин А.Д., доктор исторических наук

Санжаров С.Н.
С 18 **Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины:** Монография. – 2-е изд., исп. – Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2008. – 84 с.

ISBN 978-966-590-667-4

В монографии приводятся данные о катакомбных погребальных наборах инструментов, предназначенных для изготовления стрел и кремневых наконечников копий-дротиков. Рассматриваются состав орудий, комплекты сырья, вопросы технологии производства метательного оружия и социальной атрибуции погребенных с наборами.

Рассчитана на археологов, историков, преподавателей и студентов вузов, музейных сотрудников.

У монографії наводяться дані про катакомбні поховальні набори інструментів, призначених для виготовлення стріл і кременевих вістрів списів-дротиків. Розглядаються склад знарядь, комплекти сировини, питання технології виробництва метальної зброї і соціальної атрибуції похованих з наборами.

Розрахована на археологів, істориків, викладачів та студентів вузів, музейних співробітників.

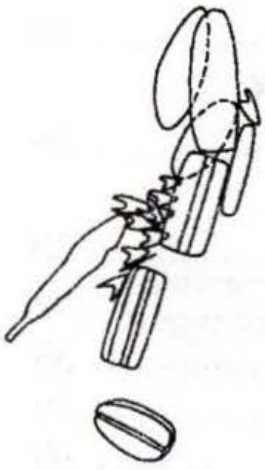
ISBN 978-966-590-667-4

УДК 902.2
© С.Н. Санжаров, 2008
© Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
1. ИСТОЧНИКИ 7
2. КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ 23
3. ИСТОКИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ НАБОРОВ 26
4. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ НАБОРЫ И ИХ КОМПЛЕКТНОСТЬ 30
5. СОСТАВ СТРЕЛОЧНЫХ НАБОРОВ 38
5.1. Сырье 38
5.2. Заготовки 39
5.3. Раковины 40
5.4. Кремневые орудия труда 42
5.5. Наковаленки, песты, отбойники-ретушеры 45
5.6. Роговые (костяные) отжимники, клыки, зубы 47
5.7. Бронзовые и костяные ретушеры 48
5.8. Абразивные материалы 51
5.9. Готовая продукция 52
6. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОГРЕБЕННЫХ 57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 69
RESUME 80
ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 83

ВВЕДЕНИЕ



Разносторонние аспекты специализации ремесленного производства, основанные на интерпретации производственных наборов инструментов и сырья в захоронениях бронзового века Украины, неоднократно поднимались в отдельных статьях и обсуждались на конференциях различного уровня. Этой же теме посвящены специализированный сборник «Стародавнє виробництво на території України» (Киев, 1992) и монография коллектива исследователей Института археологии НАН Украины **[Березанская, Цвек, Клочко, Ляшко, 1994]**. Археологи в основном сходятся на мысли о том, что специализация трудовой деятельности по изготовлению орудий труда, оружия и отдельных предметов преимущественно развивалась в рамках общин среднебронзового века в виде домашнего ремесла, обеспечивающего внутренние потребности коллективов, и была детерминирована процессами распределения-обмена, практическим использованием продукции. Наиболее выразительную информацию о степени и видах развития ремесленной деятельности в эту эпоху содержат погребальные позднекатакомбные комплексы донецкой и ингульской культурной принадлежности.

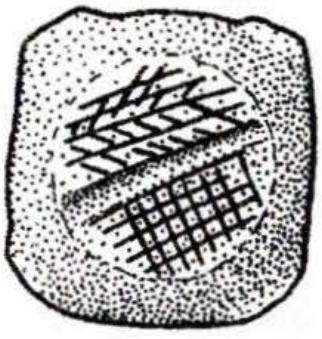
В соответствии с выводами Н.В. Рындиной, общий прогресс в скотоводческом хозяйстве в медно-каменном и бронзовом веках сопровождался бурным развитием ремесел, прежде всего, гончарства, металлургии и камнеобрабатывающего производства,

обслуживающих первостепенные потребности всей общины. В среде населения – носителя катакомбных культурных традиций – это привело к обособлению групп профессионалов, что демонстрируется появлением захоронений литейщиков, кузнецов, оружейников, плотников и ткачей с наборами соответствующего производственного инструментария **[Рындина, 1978, с. 82-85]**. Именно катакомбный погребальный обряд, по выводам В.С. Бочкарева, учитывал прижизненную специализацию ремесленных функций человека, отражаемую в конкретном составе сопровождаемого имущества **[Бочкарев, 1978, с. 52]**. Однако, как справедливо замечает Л.А. Черных, нельзя игнорировать условный характер определения профессиональной принадлежности погребенных, продиктованный не только полифункциональностью большинства орудий труда бронзового века, но и неполной целостностью обнаруженных производственных комплексов инструментов, сырья, готовой продукции и их различными сочетаниями **[Черных, 1988, с. 186-187]**. Отсутствует и общая точка зрения на принадлежность выявленных орудий производства человеку, погребенному с ними **[Санжаров, 1988, с. 25-27]**. Предметы и их комплексы, фиксируемые в захоронении, могли вовсе и не принадлежать умершему при жизни, но «полагались ему по статусу и рангу» **[Цимиданов, Кравченко, 2001, с. 88]**. С.Ж. Пустовалов считает, что погребения с производственными стрелочными наборами принадлежат воинам или мастерам **[Пустовалов, 2005, с. 101]**. Мы склонны придерживаться близкой позиции С.С. Березанской: воинам клали парадное оружие, отражающее их военный и политический статус, мастерам – предметы, отражающие все стадии их работы – сырье, заготовки, полуфабрикаты и, наконец, готовую продукцию **[Березанская, 1994, с. 28]**.

К настоящему времени на территории Украины в позднекатакомбных захоронениях выявлено около трех десятков весьма ярких и представительных производственных наборов инструментов оружейного назначения, предназначенных в основном для

изготовления стрел, как кремневых наконечников, так и древок. Все они служат весьма убедительным доказательством наличия конкретного ремесленного производства в блоке массива древнего индоевропейского населения **[Березанська, Ляшко, 1989, с. 19]**. Анализу данных производственных наборов, конкретному назначению составляющих их орудий и сырья в контексте позднекатакомбного погребального обряда и посвящена настоящая работа. Систематизация имеющейся информации, интерпретация источников по стрелочным наборам помогут пролить свет на вопросы организации и уровня технического совершенствования, конкретизировать функции тех катакомбных мастеров, «чья деятельность имела социально и производственно значимый характер» **[Березанська, Ляшко, 1989, с. 28]**, закрепленный за отдельными индивидами или семьями «по мере роста и усложнения производства» **[Ковалева, 1989, с. 23]**.

1. ИСТОЧНИКИ



В основу работы положены сведения почти о 30 стрелочных погребальных катакомбных наборах с территории Украины, включающих разнохарактерные орудия, сырье и, нередко, готовую продукцию – кремневые наконечники стрел, иногда и копий-дротиков. О некоторых наборах имеются лишь скудные данные, но большинство из них опубликовано:

1. Черевковка, 1901 г., кург. 1, погр. 5 **[Городцов, 1905, с. 265-266].**
2. Александровск, 1972 г., кург. 1, погр. 49 **[Братченко, 2008].**
3. Верхняя Маевка, 1974 г., кург. гр. XIII, кург. 1, погр. 12 **[Ковалева, Волкобой, Марина, Лихачев, Попцов, 1977, с. 28].**
4. Филатовка, 1977 г., кург. 12, погр. 2 **[Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 65-68].**
5. Петро-Михайловка, 1978-1983 гг., кург. 8, погр. 7 **[Ляшко, Попандопуло, Дровосекова, 2004, с. 63-64].**
6. Владимировка, 1981 г., кург. 1, погр. 20 **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 110-117].**
7. Виноградное, 1982 г., кург. 3, погр. 35 **[Pustovalov, 1994, p. 100, fig. 9; Пустовалов, 2005, с. 380, рис. II.IV.15, 1-6]**.
8. Каменск, 1982 г., кург. 1, погр. 6 **[Санжаров, Привалов, 1992, с. 105-110].**
9. Николаевка, 1983 г., кург. 2, погр. 2 **[Санжаров, 1988, с. 146-148]**.

10. Новониколаевка, 1983 г., кург. гр. 2, кург. 2, погр. 1 **[Санжаров, 1989, с. 97-100].**
11. Орджоникидзе, 1983 г., кург. 3, погр. 3 **[Николова, Бунятян, 1991, с. 128-133].**
12. Бурлацкое, 1984 г., кург. 3, погр. 4 **[Санжаров, 1991, с. 242-248].**
13. Безмятежное, 1985 г., кург. 1, погр. 5 **[Клименко, 1997, с. 90].**
14. Громовка, 1987 г., кург. 1, погр. 7 **[Кубышев, Нечитайло, 1991, с. 9-11].**
15. Ново-Платоновка, 1987 г., кург. 7, погр. 3 **[Берестнев, 1995, с. 141-142].**
16. Артемовск, 1989-1996 гг., кург. 1, погр. 1 **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 77-82].**
17. Артемовск, 1989-1996 гг., кург. 2, погр. 3 **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 91-96].**
18. Артемовск, 1989-1996 гг., кург. 4, погр. 1 **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 104-108]**.
19. Славное, 1993 г., кург. 1, погр. 2 **[Колтухов, Тощев, 1998, с. 100-104]**.

Кроме того, четыре весьма примечательных и наглядных для данной работы стрелочных набора из региона Восточной Украины любезно предоставлены в наше распоряжение С.Н. Братченко и А.М. Смирновым[1]:

1. **Коминтерново,** кург. 4, погр. 4 **[Братченко, Писларий, Зарайская, Горелик и др., 1976**]. Подовальная входная шахта располагалась непосредственно над подокруглым дном погребальной камеры и в южной части снабжена ступенькой-уступом (рис. 1, 1). Камера ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На дне на прямоугольной подстилке из белого тлена с локальной посыпкой красной охрой находился костяк взрослого человека в вытянутом

---

[1] Искренне благодарю С.Н. Братченко и С.М. Смирнова за предоставленную возможность публикации материалов из их раскопок.

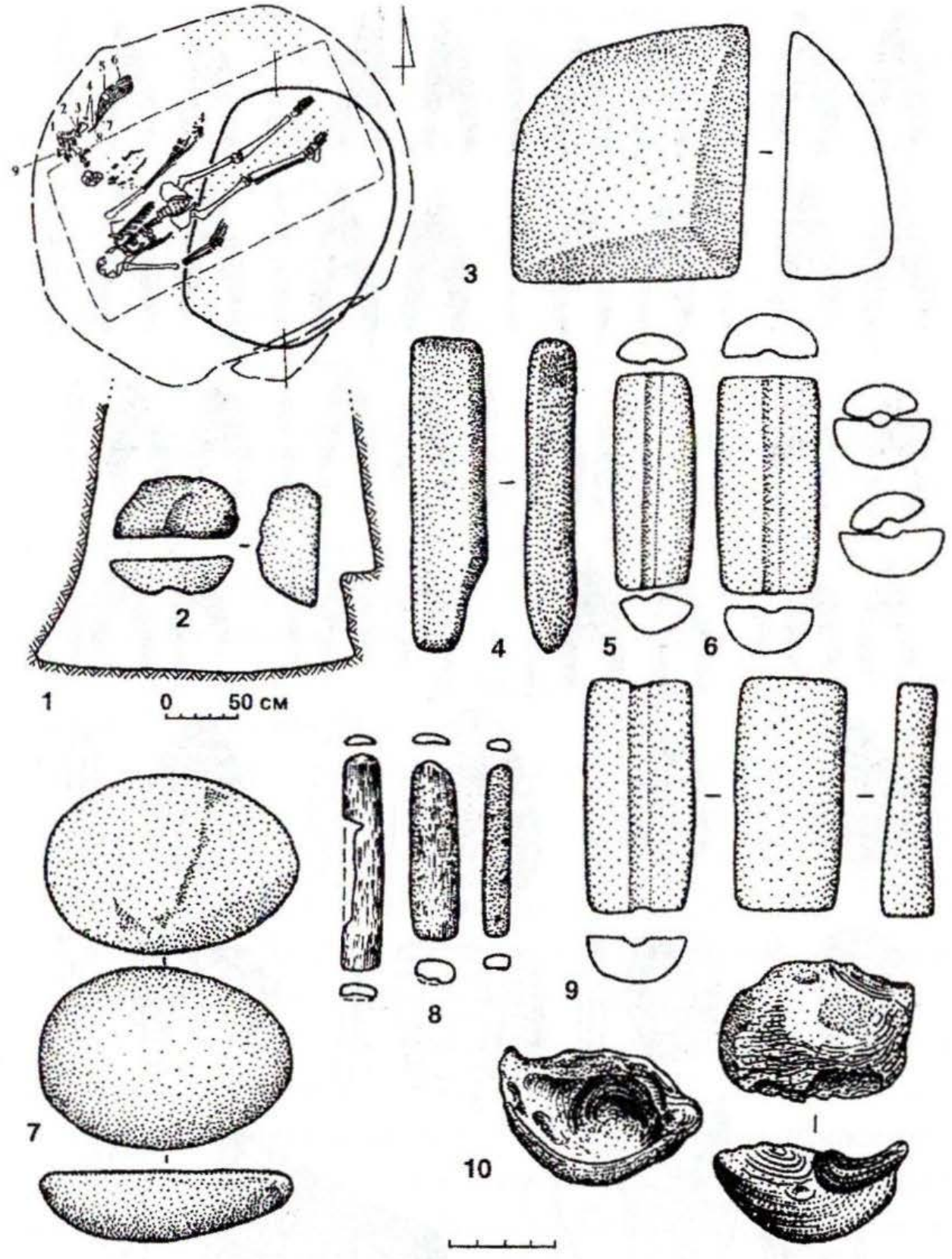


Рис. 1. Коминтерново, кург. 4, погр. 4
(1 – кремневые отщепы, 2 – раковина, 3, 5 – абразивные плитки, 4 – кремневые наконечники стрел, 6, 7 – желобчатые абразивы, 8 – костяное изделие, 9 – кремневый наконечник копья)

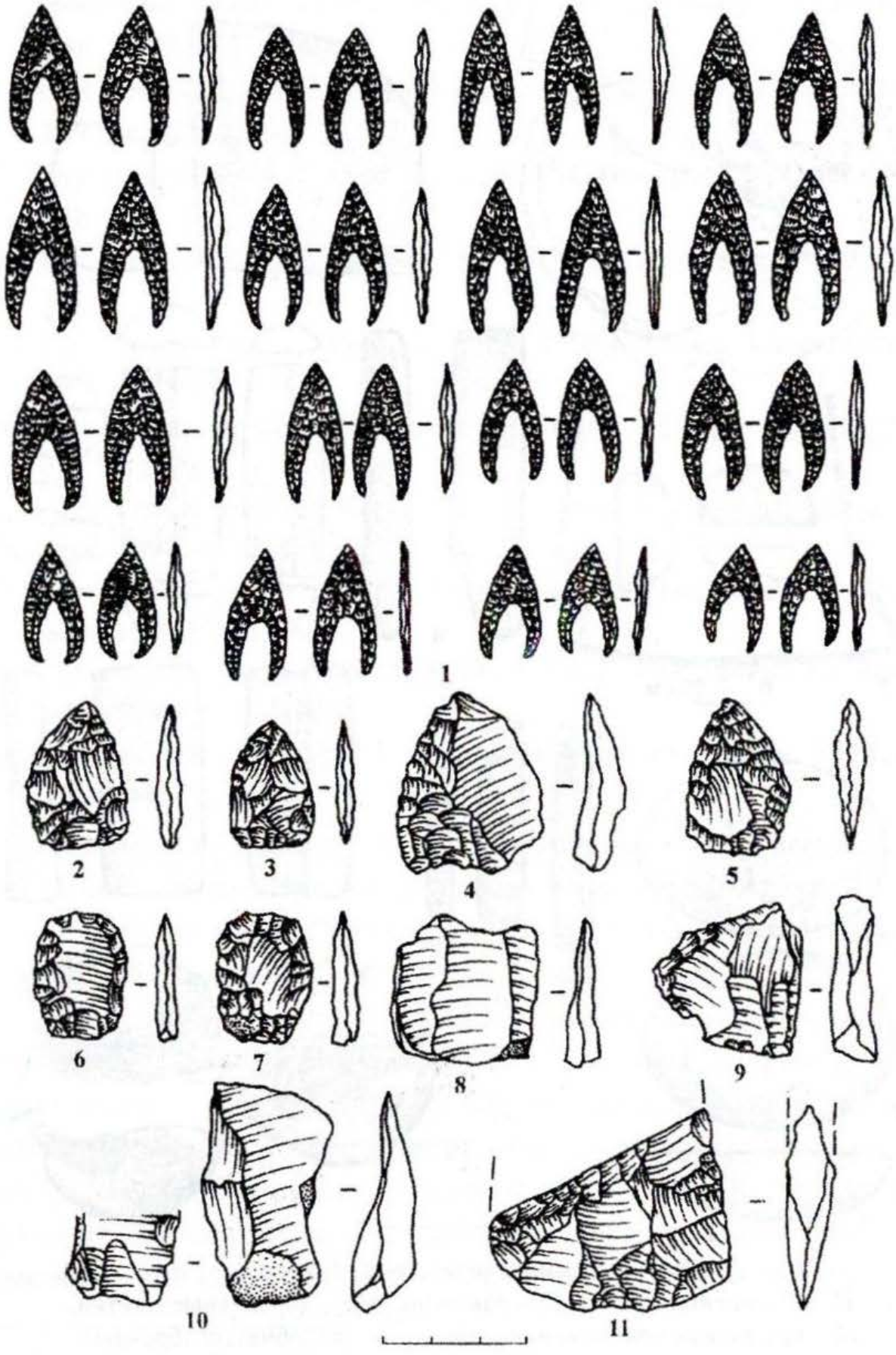


Рис. 2. Коминтерново, кург. 4, погр. 4

положении на спине. Руки слегка разведены. Слева от умершего выявлен костяк младенца в аналогичном положении. Кости погребенных окрашены охрой. Ориентированы они на ЮЗ. Под северо-западным сводом камеры найдены фрагментированный деревянный прямоугольный футляр и скопление производственных орудий. У кисти левой руки были оставлены 17 кремневых наконечников стрел сердцевидной формы с глубокими овальными выемками в основании (рис. 2, 1).

Производственный инструментарий включал обломок кремневого наконечника копья (рис. 2, 11), шесть кремневых наконечников стрел (рис. 2, 2-7), 30 кремневых обломков и отщепов (рис. 2, 8-10), ископаемую раковину (рис. 1, 10), три роговых отжимника (рис. 1, 8), пару желобчатых абразивов из песчаника (рис. 1, 5), створку еще одного желобчатого абразива (рис. 1, 9) и песчаниковые плитки различной формы (рис. 1, 2,4,7).

2. **Желобок**, кург. 3, погр. 1 **[Писларий, Дубовская, Смирнов, 1977]**. Входная шахта катакомбы имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Вход в камеру устроен под северо-западной стенкой. Его перекрывал вертикальный заслон из расколотых вдоль бревен (рис. 3, 1,2). В овальной погребальной камере на подстилке из коричневого тлена находился костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку. Угол скорченности прямой, в коленях – острый. Руки вытянуты к коленям. Ориентирован умерший на ЮЗ. Кости ног, таза и предплечья посыпаны красной охрой. Перед изголовьем стояла деревянная чаша (рис. 3, 5). За стопами находился лепной приземистый горшок, по венчику украшенный короткими насечками, а по тулову – оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа в горизонтальную елочку (рис. 3, 3).

В северо-восточной части дна камеры найдены жаровня из придонного фрагмента лепного сосуда. Его стенки орнаментированы короткими вдавлениями перевитого шнура в горизонталь-

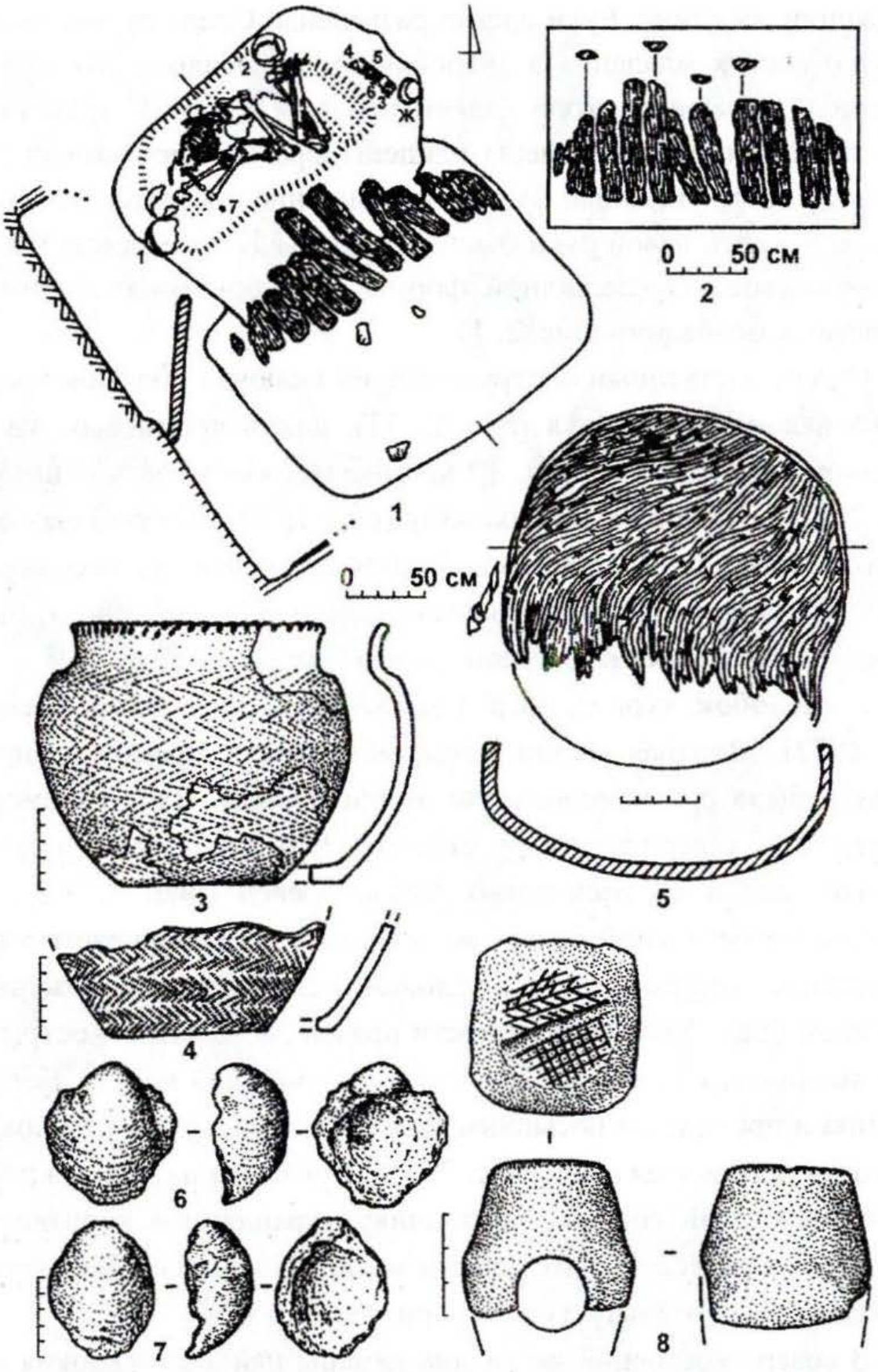


Рис. 3. Желобок, кург. 3, погр. 1
(1 – деревянная чаша, 2 – сосуд, 3 – деревянный футляр, 4 – обломок топора, 5 – раковины, 6 – кремневые изделия, 7 – комок охры)

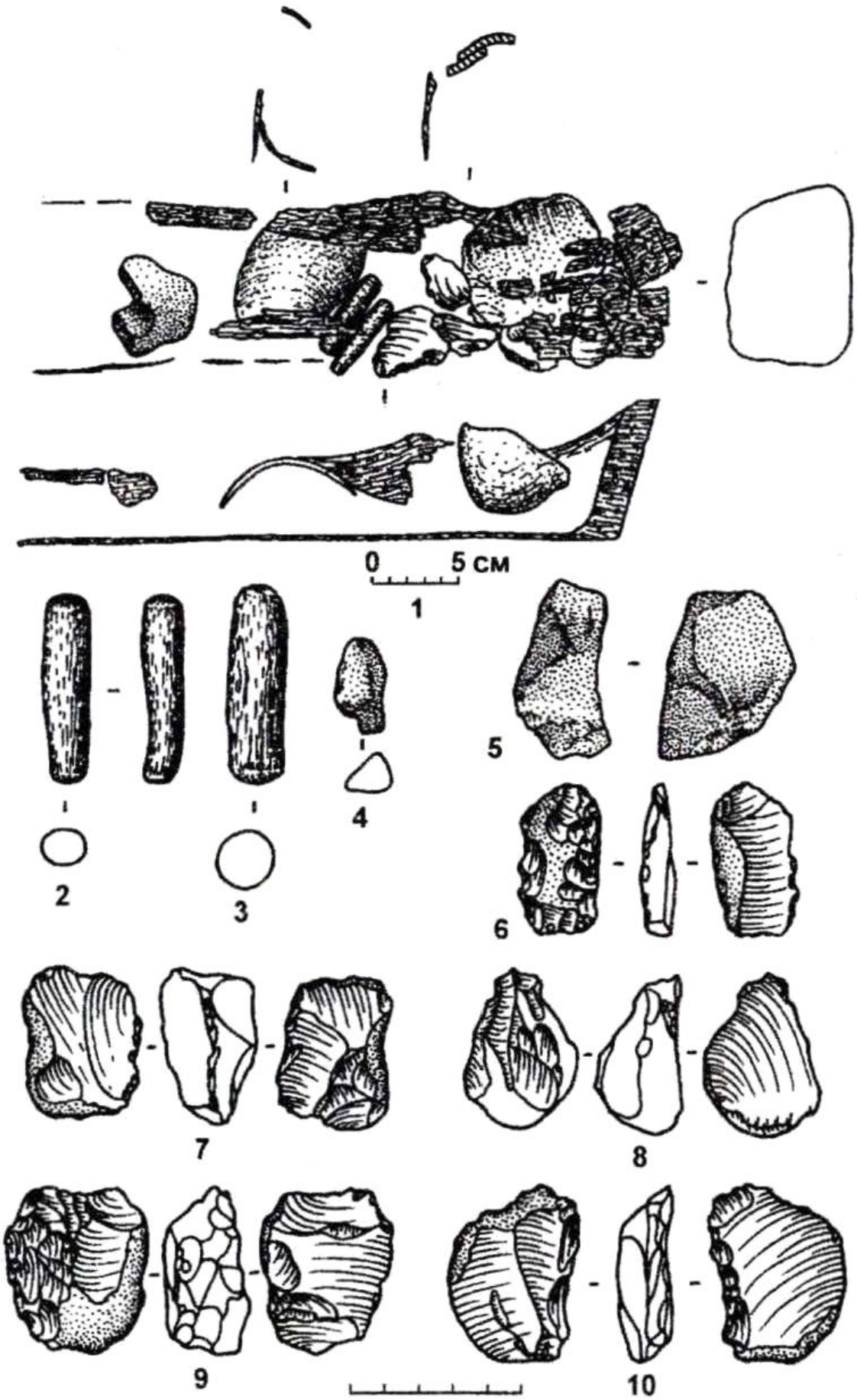


Рис. 4. Желобок, кург. 3, погр. 1

ную елочку (рис. 3, 4). Перед грудью лежало изделие (комок) из красной охры. В ногах умершего под северо-восточным сводом камеры обнаружен прямоугольный деревянный футляр с различными инструментами (рис. 4, 1). Внутри футляра находились пять кремневых заготовок наконечников стрел (рис. 4, 6-10), две ископаемые раковины (рис. 3, 6,7), обломок обушковой части топора-молотка с желобком и сеточными врезными линиями (?) на обушке (рис. 3, 8), кварцитовые ретушеры (рис. 4, 4,5) и два роговых отжимника цилиндрической формы (рис. 4, 2,3).

3. **Желобок**, кург. 3, погр. 6 **[Писларий, Дубовская, Смирнов, 1977]**. Прямоугольная входная шахта ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ. Под восточной стенкой она снабжена двумя широкими уступами (рис. 5, 1). В юго-западном углу шахты найдена жаровня из боковины высокошейного сосуда, по шейке украшенного многорядьем оттисков тесьмы, а на плечиках – спускающимися тесемчатыми лопастями (рис. 5, 5). Вход в камеру устроен под западной стенкой. Со стороны дна шахты в камеру вел лоткообразный спуск. Входное отверстие перекрыто вертикальным заслоном из плах (рис. 5, 2).

Камера в плане овальной формы. В ее западной половине на подстилке из коричневого тлена находился костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку. Угол скорченности прямой, в коленях – острый. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте. У изголовья имелась посыпка красной охры. Ориентирован умерший на ЮЮВ (рис. 5, 1).

Перед головой стоял лепной сосуд, а под заслоном располагались жертвенные кости животных. Стройный сосуд имел прямую шейку и высокорасположенные боковины. На плечиках нанесены прямоугольные вертикальные зоны из пальцевых защипов (рис. 5, 4). Вдоль правой руки выявлены отдельные предметы и скопление орудий (рис. 6, 6). У правого плеча лежало каменное навершие булавы грушевидной формы (рис. 5, 3). В состав производственного набора входили: бронзовые черешковый нож с

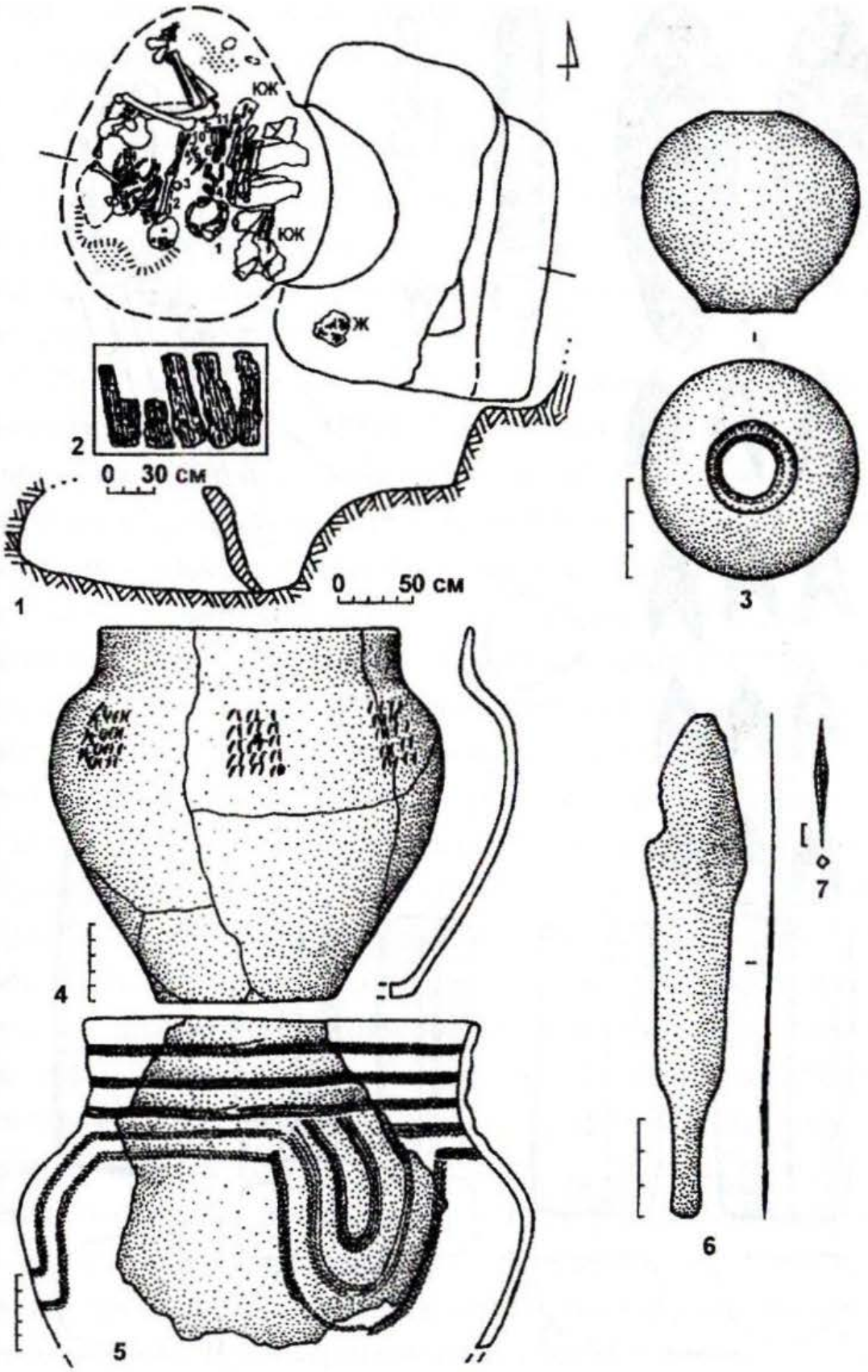


Рис. 5. Желобок, кург. 3, погр. 6
(1 – сосуд, 2 – булава, 3 – бронзовый нож, 4 – желобчатые абразивы, 5, 6 – кремневые наконечники дротиков, 7 – кремневые наконечники стрел, 8 – раковина, 9 – бронзовое шило, 10 – роговые отжимники, 11 – пест)

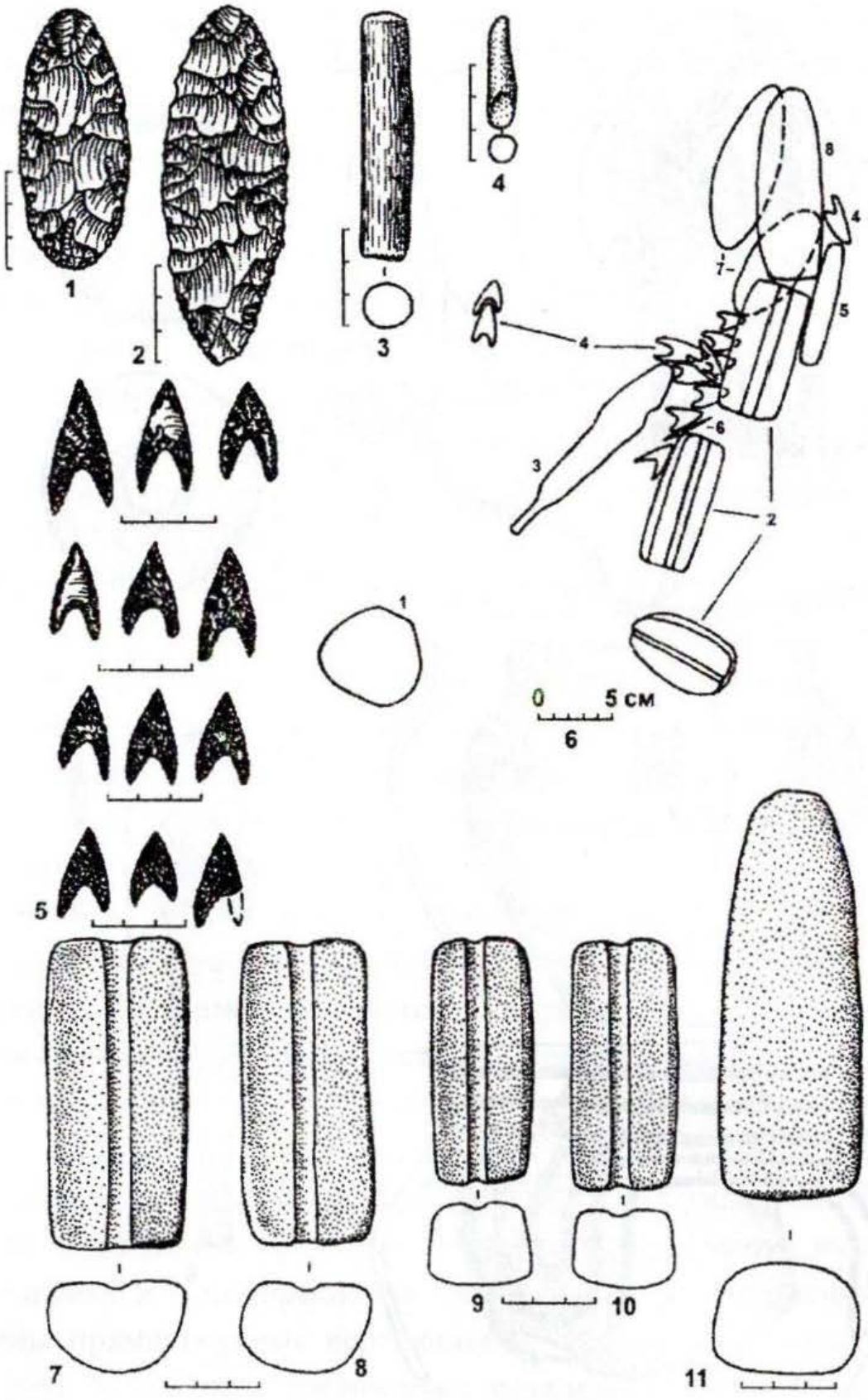


Рис. 6. Желобок, кург. 3, погр. 6
(1 – булава, 2 – желобчатые абразивы, 3 – бронзовый нож,
4 – кремневые наконечники стрел, 5 – отжимники, 6 – бронзовое шило,
7 – кремневые наконечники дротиков, 8 – пест)

пламевидной расковкой окончания клинка (рис. 5, 6) и короткое четырехгранное шильце (рис. 5, 7), два кремневых наконечника дротиков (копий) удлиненно-овальной формы (рис. 6, 1,2), 12 кремневых наконечников стрел сердцевидной формы с треугольными выемками в основании (рис. 6, 5), каменный пест (рис. 6, 11), каменный ретушер (рис. 6, 4), роговые отжимники (рис. 6, 3), две пары желобчатых песчаниковых абразивов (рис. 6, 7-10) и ископаемая раковина.

4. **Войтово Ш**, кург. 4, погр. 10 **[Братченко, Гершкович, Константинеску и др., 1980]**. Погребальное сооружение представлено нижней частью камеры катакомбы. В плане она овальной формы и ориентирована по линии ЮВ-СЗ (рис. 7, 1). У западного края камеры прослежены остатки деревянного заслона устья. Под северо-восточным сводом на слое коричневого тлена располагался костяк взрослого человека в слабоскорченном положении на правом боку. Угол скорченности тупой, в коленях – острый. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте и уложена поперек живота. Ориентирован умерший на СЗ.

За изголовьем находились лепная миска на небольшом поддоне (рис. 7, 6) и выпуклобокий горшок со легка раструбной шейкой (рис. 7, 7), орнаментированной круговыми поясками оттисков тесьмы и уголка палочки. На придонной части нанесены тесемчатые удлиненные треугольники вершинами вверх. На плечиках и боках тесьмой выполнены свисающие лопасти, окантованные вдавлениями спиралевидного штампа. В южной части дна были оставлены череп и конечности животного. У правого плеча погребенного найдены бронзовые бочонковидные бусины (рис. 7, 2). В ногах находился прямоугольный деревянный футляр с набором инструментов (рис. 7, 5). В его состав входили два кремневых наконечника стрел сердцевидной формы с треугольными выемками в основании (рис. 7, 4), кварцитовые и кремневые отщепы и пластины (рис. 8, 3,5), ископаемая раковина (рис. 7, 3), сланцевая конкреция – ретушер (рис. 8, 4), костяная пластина (ретушер ?)

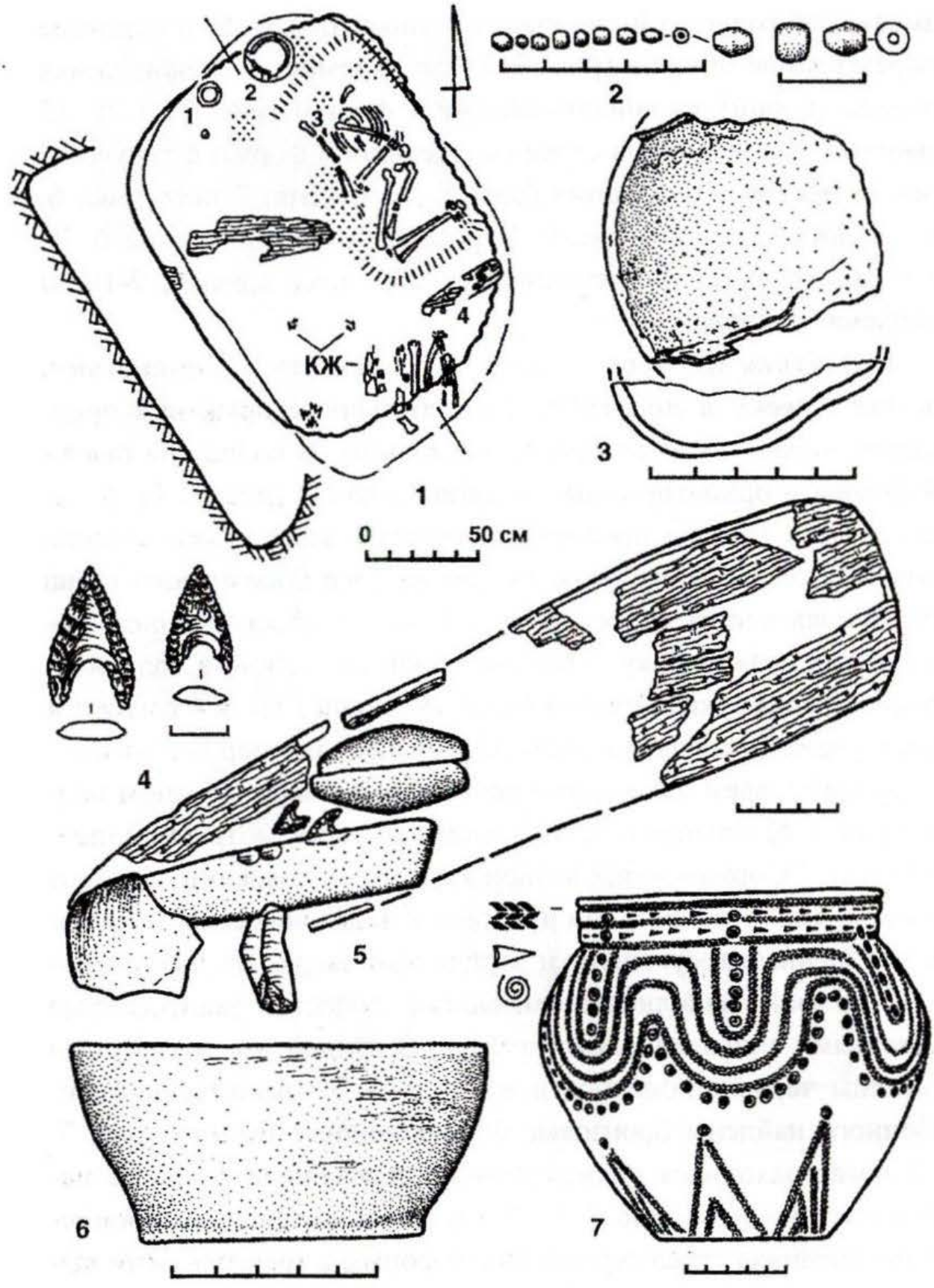


Рис. 7. Войтово Ш, кург. 4, погр. 10
(1 – чаша, 2 – сосуд, 3 – бронзовые бусины, 4 – деревянный футляр)

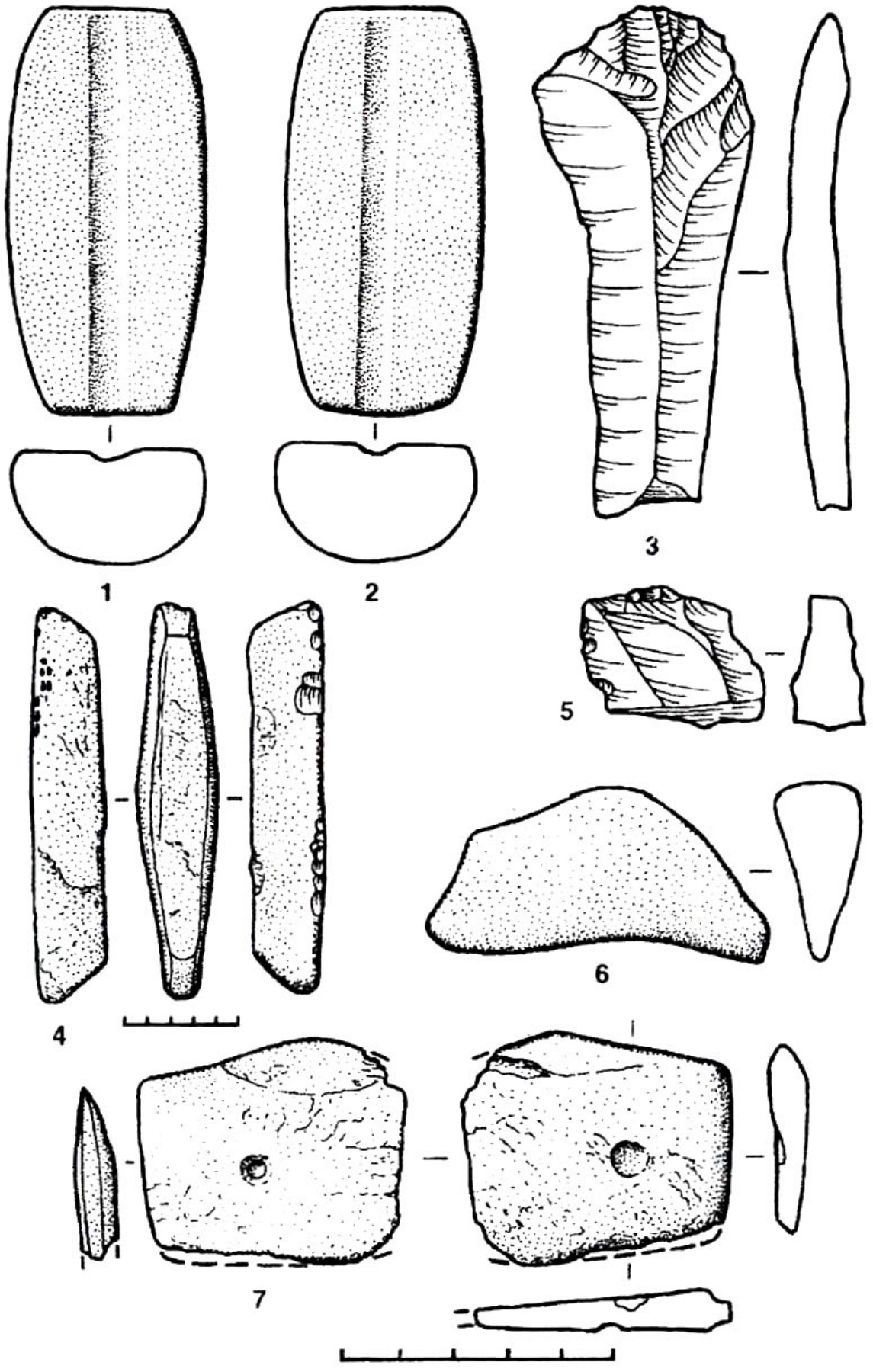


Рис. 8. Войтово III, кург. 4, погр. 10

(рис. 8, 7) абразивная плитка (рис. 8, 6) и пара песчаниковых желобчатых абразивов (рис. 8, 1,2).

Общие сведения о приведенных выше 23 катакомбных погребениях со стрелочными наборами с территории Украины отражены в сводной таблице 1. К сожалению, из неопубликованных комплексов все еще малодоступными остаются несколько производственных наборов, предназначенных для изготовления стрел, о которых имеется лишь фрагментарная информация. В их числе два комплекса инструментов из погребений донецкой и три – ингульской катакомбных культур.

Представительный донецкий набор происходит из разрушенного кургана у пос. Фрунзе в Подонцовье. Здесь в 1966 г. сотрудником Луганского краеведческого музея И.А. Писларием была раскопана катакомба с двумя камерами **[Братченко, 1976, с. 49, рис. 72, 1]**. В одной из них (кург. 8, погр. 2, камера 1) с донецким кубком за спиной костяка взрослого человека в деревянном футляре находились бронзовые нож и стержень, кремневые наконечники стрел, желобчатые абразивы и некоторые изделия из кремня **[Писларий, Филатов, 1972, с. 68-69; Филатов, 2007, с. 8]**. В фонды Луганского музея эти предметы поступили только в 1976 г. Они были суммарно заинвентаризированы под номерами КП 40010-40021 как находки из кургана 3 из Фрунзе: два бронзовых ножа и шило, бронзовый крюк, 2 кремневых наконечника стрел, кремневый нож (наконечник ?), две пары желобчатых абразивов, жаровня и кубок с концентрическими окружностями. Второй набор в погребении донецкого типа происходит из Северо-Западного Приазовья у с. Жовтневе (кург. 12, погр. 2). Оно, частично разрушенное окопом ВОВ, также представляло катакомбу с двумя камерами, а в стрелочный набор входили желобчатые абразивы, каменный пест и наковальня, раковины Unio, клык животного, 4 кремневых наконечника стрел, отщепы и костяной крюк **[Отрощенко, Болдин, Гошко, Ляшко и др., 1981; Пустовалов, 1990, с. 58, 61]**.

Таблица 1

Сводка украинских катакомбных погребений с производственными стрелочными наборами

№ п/п	Наименование	Костяки	Посуда			Престижные предметы							Наборы инструментов																	
			керамическая	деревянная	жаровни	топоры-молотки	булавы	копья-дротики	бронзовые ножи	бронзовые шилья	кремневые наконечники стрел	луки, прутья	игральные кости	футляры	мешочки	заготовки наконечников	отщепы, обломки	раковины	кремневые сверла-развертки	кремневые стамески	кремневые пилы, резчики, скобели, скребки	наковальни	песты	отбойники-ретушеры	роговые отжимники	бронзовые стержни-ретушеры	костяные ретушеры	клыки, зубы, когти	желобчатые абразивы	абразивы
1	Черевковка к. 1, п. 5	Взр.	+		+				+		+	+		+		+		+						+		+			+	+
2	Александровск к. 1, п. 49	Взр.	+	+					+	+	+					+	+	+				+			+			+	+	+
3.	Верхняя Маевка к. гр. XIII, к. 1. п. 12	Взр.								+								+	+		+								+	+
4.	Коминтерново к. 4, п. 4	Взр. Реб.						+			+			+		+	+	+						+	+				+	+
5.	Филатовка к. 12, п. 2	Взр.	+				+		+	+							+	+				+	+	+	+				+	+
6.	Желобок к. 3, п. 1	Взр.	+	+	+									+		+		+				+		+	+					
7.	Желобок к. 3, п. 6	Взр.	+		+		+	+	+	+	+							+					+	+	+				+	
8	Петро-Михайловка II к. 8, п. 7	Взр.	+								+			+				+											+	+
9.	Войтово III к. 4, п. 10	Взр.	+								+			+			+	+						+			+		+	
10.	Владимировка к. 1, п. 20	Взр. Подр						+			+	+		+			+	+		+	+	+	+	+	+	+		+		+
11	Виноградное-82, к. 3, п. 35	Взр.												+				+											+	
12.	Каменск к. 1, п. 6	Взр.	+					+			+			+		+		+				+			+		+		+	+
13.	Николаевка к. 2, п. 2	Взр.	+		+	+			+		+		+		+		+	+				+		+	+	+		+	+	
14.	Новониколаевка кург. гр. 2, к. 2, п. 1	Взр.		+	+	+					+						+	+		+	+					+			+	
15.	Орджоникидзе к. 3, п. 3	Взр.	+								+						+		+	+	+			+	+	+		+	+	+
16.	Бурлацкое к. 3, п. 4	Взр.	+	+		+					+	+		+		+	+				+				+				+	+
17.	Безмятежное к. 1, п. 5	Взр.	+		+			+									+	+			+			+					+	+
18.	Громовка к. 1, п. 7	Взр.									+						+	+				+			+		+	+		+
19.	Ново-Платоновка к. 7, п. 3	Взр.	+		+													+											+	+
20.	Артемовск к. 1, п. 1	Взр.	+						+	+						+	+	+						+		+			+	
21.	Артемовск к. 2, п. 3	Взр.	+		+				+		+			+	+	+	+	+					+	+	+	+		+	+	+
22	Артемовск к. 4, п. 1	Взр.	+					+			+	+		+	+		+	+				+	+	+	+	+		+	+	+
23	Славное к. 1, п. 2	Взр.						+			+	+					+	+				+			+				+	+

Три неопубликованных набора из погребений ингульской культуры исследованы, судя по краткой информации, Николаевской, Херсонской и Запорожской экспедициями. В катакомбах выявлены одиночные костяки взрослых. В захоронении из Давидовки (кург. 1, погр. 5) в стрелочный набор входили два бронзовых ножа и стержень, костяной отжимник, 3 клыка кабана, каменные абразивы и 2 кремневых наконечника стрел **[Кубышев, 1982; Кубышев, Нечитайло, 1991, с. 13]**. В катакомбе у Юрьевки (кург. гр. VIII, кург. 1, погр. 15) найдена пара желобчатых абразивов, наковаленка, 6 кремневых отщепов, абразивные плитки, 13 кремневых наконечников стрел, а также каменный топор-молоток и бронзовые нож с шилом **[Пустовалов, 2005, с. 99, 171]**. В ингульском захоронении около Терновки обнаружены желобчатые абразивы, точильный камень, отбойник, нуклеусы, ретушеры, резцы и кремневые заготовки наконечников стрел **[Пустовалов, 2005, с. 99, 171]**.

Всего мы располагаем итоговой информацией о 28 катакомбных погребениях с производственными стрелочными комплексами – 23 базовых, опубликованных и 5 неопубликованных.

2. КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ

В культурном отношении катакомбные захоронения с наборами инструментов для изготовления стрел подразделяются на две примерно равные группы. В первую входят двенадцать погребений, которые демонстрируют развитые и поздние, включая бахмутские, донецкие катакомбные традиции: Черевковка (кург. 1, погр. 5), Желобок (кург. 3, погр. 1, 6), Войтово III (кург. 4, погр. 10), Николаевка (кург. 2, погр. 2), Новониколаевка (кург. гр. 2, кург. 2, погр. 1), Орджоникидзе (кург. 3, погр. 3), Безмятежное (кург. 1, погр. 5), Ново-Платоновка (кург. 7, погр. 3), Артемовск (кург. 1, погр. 1, кург. 2, погр. 3, кург. 4, погр. 1).

Их катакомбные конструкции характеризуются прямоугольными входными шахтами, Н-видным способом сопряжения шахт с погребальными камерами, деревянными и каменными заслонами устьев, наличием охры, костей жертвенных животных (КРС, МРС), жаровен из обломков сосудов и древесных углей. Умершие размещены в скорченном положении на правом боку с руками, вытянутыми к бедрам, или же правая рука вытянута, левая – согнута. Керамическая коллекция из захоронений данной группы репрезентирует типичные донецкие и бахмутские формы сосудов, украшенных шнуровым и тесемчатым орнаментом в виде многорядных поясков, фестонов, лопастей, окружностей и треугольников, оттисками гребенки в горизонтальную елочку, различными штампами и защипами.

Территориально данные захоронения привязаны к восточноукраинскому региону, в частности, к бассейну Северского Донца, что объясняется не только природными ресурсами Донбасса, но и повышенной плотностью населения в эпоху средней бронзы – результат расширяющейся эксплуатации местных медных рудопроявлений **[Братченко, 2001, с. 65]**. В эту же донецко-бахмутскую позднекатакомбную группу следует отнести и захоронение из Александровска (кург. 1, погр. 49), совершенное в яме с заплечиками. Такие памятники в целом демонстрируют одну из особенностей позднекатакомбных древностей Подонцовья **[Смирнов, 1996, с. 92; Санжаров, 2002, с. 17-24]**.

Вторая группа катакомбных захоронений со стрелочными комплектами представляет традиции ингульской культуры. В нее входят десять опубликованных погребений: Верхняя Маевка (кург. гр. XIII, кург. 1, погр. 12), Коминтерново (кург. 4, погр. 4), Филатовка (кург. 12, погр. 2), Петро-Михайловка (кург. 8, погр. 7), Владимировка (кург. 1, погр. 20), Виноградное (кург. 3, погр. 35), Каменск (кург. 1, погр. 6), Бурлацкое (кург. 3, погр. 4), Громовка (кург. 1, погр. 7), Славное (кург. 1, погр. 2).

Катакомбные конструкции захоронений второй группы отличаются небольшими округлыми входными шахтами, иногда «нависающими» над дном камер, овальными камерами, наличием охры. Умершие размещены в вытянутом положении на спине или животе. В этих катакомбах зафиксировано использование глиняных моделировок лицевых покровов (Каменск, Бурлацкое, Филатовка, Славное). Керамическая коллекция состоит из приземистых амфорок с цилиндрическими шейками с врезным орнаментом, сосудов с короткой прямой шейкой, посуды из сырцовой керамической массы (Петро-Михайловка, Бурлацкое). В территориальном отношении погребения маркируют южный и восточный регионы ингульской культуры – Орельско-Самарское междуречье, Северное Приазовье, степной Крым.

Погребальные стрелочные наборы из захоронений обеих групп почти тождественны, как и сопоставимы некоторые детали их обрядности. Различия продиктованы спецификой культурной принадлежности. Так, донецко-бахмутская группа погребений всегда содержит керамические сосуды, нередки жаровни, бронзовые ножи и шилья. Из десяти ингульских захоронений только в двух найдены лепные горшки, бронзовые шилья – в двух, нож – в одном. По остальным признакам – количественного соотношения деревянной посуды, символов власти – топоров и булав, остатков луков, кремневых наконечников копий (дротиков), наконечников стрел, деревянных футляров-пеналов с инструментарием – погребения донецкого и ингульского типов не проявляют разительных отличий. Сами производственные комплексы встречены только при костяках взрослых. Правда, в двух ингульских катакомбах (Коминтерново и Владимировка) взрослых сопровождали дети (мальчики ?), но это уже характеризует специфику обрядности или социальной принадлежности умерших с комплектами инструментов.

3. ИСТОКИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ НАБОРОВ

Специализация кремнеобрабатывающего производства в первобытном обществе была обусловлена индивидуальными способностями человека, его личным мастерством, что находило отражение в приобретенном социальном **статусе [Артемова, 1984, с. 48-49]** и, естественно, в погребальном обряде. На территории юга Восточной Европы традиция помещать в погребения в качестве сопровождающего инвентаря наборы кремнеобрабатывающего производства и сырья восходит к энеолитическому и ямному населению. Древнейшим примером подобного рода является энеолитическое подкурганное захоронение близ Александровска (кург. 1, погр. 46) на реке Лугань, содержащее кремневые обломки, ножевидные пластины, в том числе и с ретушью, два отбойника из гальки, шесть роговых отжимников в виде цилиндриков и усеченных конусов. На дне могилы по отношению к погребенному (взрослый) отжимники локализовались у правой руки, отбойники и пластины – у левой **[Братченко, Константинеску, 1987, с. 22-23, рис. 6]**. Именно в энеолите в захоронениях появляются представительные комплекты кремневых орудий, интерпретируемые в качестве плотницких наборов. Так, в Луганске (Сельхозинститут, кург. 1, погр. 2) при костяке взрослого мужчины (костяк 2) обнаружено двенадцать массивных кремневых пластин, в том числе с ретушью. Под левым бедром компактной массой был уложен набор инструментов, включающий два кремневых топора, два каменных тесла, мас-

сивный кремневый скребок и обломок пластины. Рядом находились абразивная прямоугольная плитка и роговое навершие-скипетр **[Писларий, Кротова, Клочко, 1976, с. 22]**. На левобережье нижнего течения Днестра близ Красного (кург. 9, погр. 10) в энеолитический «набор плотника», по определению Г.Ф. Коробковой, входили каменное тесло, шесть кремневых вкладышей, строгальный нож, долото и струг. Встречено и три роговых предмета, аналогичные роговым цилиндрическим отжимникам, но без следов использования и с сильной заполировкой поверхности **[Серова, Яровой, 1987, с. 55-59]**.

Настоящий производственный стрелочный комплект, включающий 11 кремневых разнотипных наконечников стрел, три желобчатых абразива с орнаментом, кремневые изделия на отщепах (ножи, скобели, струги), бронзовые стержни с роговыми рукоятями, выявлен в погребении эпохи ранней бронзы из грунтового могильника близ Залинейного (погр. 116) на Орели **[Ковалева, 1983, с. 63-67, рис. 9]**.

В ямное время значительно увеличивается количество захоронений с кремнеобрабатывающими наборами инструментов, расширяется ассортимент орудий и сырья. Часть таких позднеямных погребений, содержащих скребки и абразивы, ножи, проколки и лощила, по мнению З.П. Мариной, может трактоваться в качестве специализированных профессиональных захоронений мастеров (специалистов) по обработке шкур и выделки кож **[Марина, 1995, с. 64-67]**. Некоторые погребальные комплексы демонстрируют разнообразные орудия из кремня и отщепы, каменные наковаленки и отбойники, раковины Cardium и Unio и свидетельствуют как о кремнеобработке, так и о деревообработке. В их числе выразительные производственные наборы из Николаевки, кург. гр. 1, кург. 3, погр. 4 (нож и скребок на отщепах, кремневые отщепы и раковины Cardium), Юрьевки, кург. гр. 1, кург. 3, погр. 2 (каменная наковаленка, песчаниковый терочник, два абразива, цилиндрический отбойник, 5 кремневых концевых скребков, два

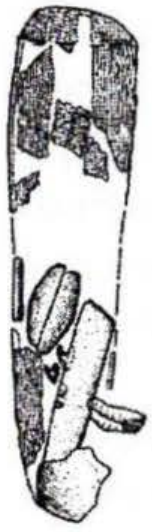
скобеля-сверла и два нуклевидных скола), Богуслава, кург. 27, погр. 3 (обломок обушковой части каменного топора-молотка со следами вторичного использования, прямоугольная наковаленка, кремневые скобель-резец, два резца на отщепах, нож-резец, отщепы и раковина Unio) **[Марина, 1995, с. 66-71]**. В захоронении у Новоалександровки (кург. гр. 2, кург. 2, погр. 3) у правой кисти умершего были оставлены створка раковины, проколка из кости крупной рыбы (ретушер ?) и набор кремней **[Ковалева, Мухопад, Шалобудов, 1995, с. 10-12, рис. 3, 3,2]**. В этих комплексах кремневые скребки, резцы, скобели и ножи являются специализированной продукцией.

Целая группа позднеямных погребений Северного Приазовья, Левобережья Днепра, Северского Донца и Нижнего Дона, Предкавказья иллюстрирует появление при костяках взрослых лиц наборов инструментов и сырья, необходимых для изготовления кремневых наконечников стрел и копий-дротиков. Вблизи Молочного лимана в захоронении близ Константиновки (кург. 2, погр. 4) выявлены терочник-наковаленка, гранитный пест, четыре прямоугольных песчаниковых абразива с продольными канавками-желобками, обломок дротика и кремневая пластина, бронзовые нож и шило **[Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991, с. 67-69]**. На левом берегу р. Конка у Приморского (кург. 1, погр. 3) встречены овальная каменная наковаленка, кварцитовый отбойник, абразив, 27 кремневых отщепов и нуклевидных обломков, два скребка, кремневые наконечники копья и дротика, бронзовый стержень и створка раковины Unio **[Попандопуло, 1992, с. 83-86]**. Расширенный ассортимент кремневых изделий получен при раскопках позднеямного захоронения из могильника Приморский в районе Таганрогского залива (кург. 94, погр. 3): четыре нуклеуса с остатками желвачной корки, пять нуклевидных сколов, 23 отщепа, три скребка, резец, обломок орудия с ретушью, заготовка наконечника стрелы треугольной формы с дуговидной неглубокой выемкой в основании **[Потапов, 1998, с. 136-137]**. В составе

позднеямного погребального инвентаря песчаниковые желобчатые абразивы известны на Северском Донце у Октябрьского, кург. 6, погр. 1 (две пары желобчатых абразивов, кремневый отщеп и бронзовое шило) **[Посредников, 1992, с. 61-63]**, близ Пасеки, кург. 2, погр. 15 (одна плитка с желобком) **[Цимиданов, Кравченко, 2001, с. 73, рис. 2, 3]**, в одном из погребений Левобережного предстепья (один желобчатый абразив) **[Марина, 2000, с. 67]**, на Восточном Маныче у Чограйского водохранилища (2 группа, кург. 2, погр. 3) – одиночная створка абразива с желобком **[Синицын, 1978, с. 64]**, в Молдавском Поднестровье вблизи Олэнешть (кург. 6, погр. 2) – пара желобчатых абразивов **[Яровой, 1990, с. 174, рис. 77, 4]**. Значительное количество подобных одиночных абразивов в позднеямных захоронениях является свидетельством зарождающегося процесса их использования для шлифовки древок стрел.

По всей видимости, в рамках кремнеобрабатывающего производства эпохи энеолита-ранней бронзы, судя по составу приведенных функциональных наборов инструментов, происходит постепенная специализация, ориентированная на изготовление конкретной продукции – наконечников копий-дротиков, ножей, скребков, скобелей и резцов. При этом в комплектах орудий труда начинают появляться инструменты, функционально предназначенные для выработки стрел – наковаленки, отбойники, абразивы, отжимники, бронзовые стержни, желобчатые песчаниковые плитки и створки раковин.

4. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ НАБОРЫ И ИХ КОМПЛЕКТНОСТЬ



Исключительно в среде погребальных катакомбных памятников встречаются производственные стрелочные наборы, репрезентирующие максимально полный комплект орудий труда всех стадий производства, дополненный не только сырьем, но и готовой продукцией – наконечниками стрел, иногда и копий-дротиков. Среди них наиболее представительные комплексы – Артемовск (кург. 2, погр. 3, кург. 4, погр. 1), Николаевка (кург. 2, погр. 2), Александровск (кург. 1, погр. 49), Орджоникидзе (кург. 3, погр. 3), Владимировка (кург. 1, погр. 20) и Филатовка (кург. 12, погр. 2). К группе ранних следует отнести захоронения с керамикой классического (развитого) этапа донецкой катакомбной культуры – Черевковка (кург. 1, погр. 5), Желобок (кург. 3, погр. 6), Фрунзе (кург. 8, погр. 2) и Войтово Ш (кург. 4, погр. 10). Этим древностям близка керамика из разрушенного захоронения со стрелочным набором в верховьях Оскола близ Шелаево (Кубанова Могила) **[Карагодин, 1977, с. 230, рис. 1]**.

Большинство катакомбных стрелочных наборов содержат неполные комплекты инструментов и сырья, исходя из принципа «pars pro toto». В случаях, когда количество орудий труда крайне незначительно, возникают затруднения их оценки в качестве производственного комплекса (набора) вообще. Из числа последних следует исключить находки створок желобчатых абразивов, даже если в захоронениях с ними найдена готовая продукция –

кремневые наконечники, поскольку подобные изделия свидетельствуют не об изготовлении, а доводке – шлифовке древок стрел. Встречаемые же одиночные орудия труда (отщепы, заготовки, скребки, резцы и т.п.) подтверждают лишь наличие в катакомбной среде примитивных технологий, позволяющих каждому члену родового коллектива выполнять простейшие рабочие функции, быть специалистом, но широкого профиля, при изготовлении рядовой продукции **[Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003, с. 154]**. В связи с этим важно отличать ограниченный состав инструментов от их производственных наборов, комплексов сложных технологий с развитой ремесленной специализацией.

Абсолютно не выдерживает критики привлечение одного-двух простых орудий из катакомбных захоронений для доказательства прижизненной специализации умерших **[Санжаров, 1996, с. 232-233]**. Между тем, ряд исследователей критерием прижизненного профессионального статуса погребенного считает наличие в его захоронении одиночного инструмента, но наиболее яркого, характерного для особого вида ремесла или рода трудовой деятельности (тесло – инструмент плотника, шило – орудие кожевенника и т.п.) **[Черных, 1988, с. 186]**. Такая позиция оправдывается в одном случае – при монофункциональности ярких инструментов, в чем для орудий труда бронзового века приходится сомневаться. Теоретически возможно допускать, что как катакомбный, так и срубный обряд погребения мог подчеркивать статус мастера-изготовителя продукции не только производственным комплексом орудий, но и одним предметом, являющимся символом определенного производства **[Цимиданов, Кравченко, 2001, с. 88]**. На практике этот вопрос давно бы решился, если бы захоронения катакомбной и срубной культур репрезентировали серию однозначных, стандартных символов-предметов, олицетворяющих не одну-две специализации, а весь спектр направлений ремесленной деятельности. Именно этого мы и не наблю-

даем. Кроме того, возникает абсолютно нерешаемая проблема оценки обозначения конкретным орудием той или иной разновидности специализированной деятельности мастеров не в нашем современном восприятии, а в понимании древнего исчезнувшего населения. В связи с чем в вопросе реконструкции ролевого прижизненного положения умершего наиболее надежным критерием может быть признана целостность комплекса инструментов конкретного функционального назначения, включая сырье, заготовки, готовую продукцию, отражающая максимальное количество рабочих циклов по изготовлению изделия. Наконец, следует учитывать весь контекст конкретного погребального обряда. Поэтому вряд ли целесообразно представлять в качестве производственного стрелочного набора состав орудий из ингульского захоронения в Крыму близ Целинного (кург. 14, погр. 7) – два желобчатых абразива, три точильные плитки и два мелких отщепа, поскольку их применение, за исключением желобчатых абразивов, весьма полифункционально **[Корпусова, 1984, с. 86-87]**. Здесь отсутствует комплект хотя бы из трех инструментов или предметов узкого, специального назначения. Например, в виде неполного стрелочного набора орудий предстает комплекс катакомбы из Ново-Платоновки (кург. 7, погр. 3) на Северском Донце, содержащий пару желобчатых абразивов, пять точильных плиток и ископаемую раковину **[Берестнев, 1995, с. 142]**, имеющую самое непосредственное отношение, как будет показано ниже, к изготовлению заготовок кремневых наконечников стрел. Другой пример неполного набора. Пара желобчатых абразивов, створки ископаемой и речной раковин находились в стандартном деревянном футляре ремесленника в ингульском катакомбном погребении у Виноградного (кург. 3, погр. 35) **[Pustovalov, 1994, p. 100, fig. 9; Пустовалов, 2005, с. 380, рис. II.IV. 15, 1-6]**.

Исходя из специфики как двух разновидностей орудий, так и деревянного футляра, предназначенного для хранения инструментария стрелочных дел мастеров, набор из Виноградного с

полным основанием должен атрибутироваться в качестве неполного (часть вместо целого) производственного стрелочного комплекса. С другой стороны, выявленное в 1929 г. в Луганске (кург. 1, погр. 20) позднекатакомбное захоронение содержало 7 песчаниковых желобчатых абразивов и ископаемую раковину, но представляло парное погребение двух взрослых с двумя сосудами, мраморным навершием булавы и бронзовым ножом **[Братченко, 2000, с. 80]**. Здесь две разновидности орудий (желобчатые абразивы и раковина) своим присутствием, большим количеством желобчатых абразивов демонстрируют явно подчиненный общему смыслу обрядности характер, подчеркивают высокий ранг умерших и не выступают в качестве самостоятельной группировки функционального инвентаря, т.е. производственного комплекса. Находки единичных инструментов (одна раковина, один желобчатый абразив и песчаниковая плитка) в рассредоточенном виде на дне позднекатакомбного погребения близ Довгалевки (кург. 1, погр. 1) на Северском Донце **[Клименко, Цимбал, 2002, с. 139-140, рис. 1, 6-12]** не создают узконаправленный комплект орудий и также не могут трактоваться производственным комплексом определенной специализации.

Общая производственная (профессиональная) направленность орудий труда определяется конкретным функциональным назначением большинства изделий. Как мы отмечали, в древности даже яркие инструменты были преимущественно полифункциональными, предназначались для выполнения различных операций. Так, цилиндрические каменные изделия могли использоваться не только в качестве наковаленок кузнечного ремесла **[Березанская, 1980, с. 246]**, но и в виде краскотерок, т.е. растиральников **[Шарафутдинова, 1983, с. 21]**. Рабочее применение орудий труда до момента их включения в погребальный комплекс определяется в ходе изучения следов сработанности, т.е. трасологическим анализом. А он, в свою очередь, не всегда свидетельствует о комплексном назначении инструментов стрелочных набо-

ров. В этом отношении показательна группа орудий из ингульского катакомбного погребения в Молдове близ Никольского (кург. 8, погр. 11), включающая пару желобчатых абразивов, клык кабана, обломок ножевидной пластины, костяной скобель, три отщепа с ретушью и серию абразивных плиток **[Агульников, 1990, с. 3-4]**. Изучение следов использования показало, что плитки служили лощилами для изготовления керамики, клык – для обработки поверхности сосудов, а на отщепах, применяемых в качестве скребков и скобелей, обнаружены следы соприкосновения с бронзой. Сами орудия данного погребального набора применялись в широком диапазоне – от обработки керамики до деревянных, костяных и бронзовых изделий **[Агульников, 1990, с. 3-4]**.

Некоторые производственные стрелочные наборы проявляют расширенное содержание инструментов, выходящее за рамки изготовления метательного оружия. В подобных наборах встречены керамические сопла и льячка **[Кубышев, Нечитайло, 1991, с. 9-11]**, каменное керно для проушных отверстий топоров-молотков **[Санжаров, 1991, с. 246]**, инструменты овчинного ремесла **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 117]**. Подобные составные наборы справедливо рассматривать в виде примера преднамеренной имитации целостности стрелочного комплекта инструментов **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 117]**.

Сама специфика погребального обряда заключается в том, что как социальный статус умершего, так и его ролевое (профессиональное) положение определяется особой стадией некрологического цикла – положением в могилу артефактов и неартефактов (сырье, полуфабрикаты, отходы производства, готовая продукция), семантически значимых для данного общества **[Смирнов, 1994, с. 17-23]**. В связи с этим оценка назначения того или иного набора инструментов должна базироваться на общей функциональной направленности всех орудий исходя из содержания всего погребального комплекса. Не исключено, что смысловая функция

самих погребальных стрелочных производственных наборов заключалась в специфике конечной продукции – стрел **[Санжаров, 1988, с. 26-27]**. При этом общей направленности стрелочных инструментов не меняют совместные с ними находки в захоронениях и другого метательного оружия – наконечников копий-дротиков (Желобок, кург. 3, погр. 6; Каменск, кург. 1, погр. 6; Безмятежное, кург.1, погр. 5; Владимировка, кург. 1, погр. 20; Артемовск, кург. 4, погр. 1; Славное, кург. 1, погр. 2), а в погребении из Новой Квасниковки (кург. 4, погр. 5) – и кремневого наконечника гарпуна **[Юдин, Лопатин, 1989, с. 138, рис. 8, 14]**, изготовляемых одной и той же техникой.

В пределах погребальных камер орудия стрелочных наборов локализуются в виде компактных скоплений перед умершими, за их спинами, в изголовьях или же в ногах. Тесное в ряд размещение инструментов, например, Желобок, кург. 3, погр. 6 (рис. 6, 6), Орджоникидзе, кург. 3, погр. 3 **[Николова, Бунятян, 1991, с. 131, рис. 2, 1]**, свидетельствует о возможности их предварительной упаковки, заворачивании в ткань или рогожу либо помещении в специальные кошели-мешочки **[Берестнев, 1990, с. 111]**. В погребении близ Николаевки (кург. 2, погр. 2) у края скопления орудий прослежена овальная окантовка края кошеля бусинами из зубов карповых рыб **[Санжаров, 1988, с. 148, рис. 6, 9]**. Два скопления орудий труда и заготовок в ингульском захоронении мастера-костореза из Брилевского могильника также были размещены в мешочках или корзинах **[Евдокимов, 1998, с. 12]**. В хорошо сохранившемся позднеямном захоронении у Константиновки (кург. 2, погр. 4) даже отдельные орудия были упакованы в ткань (мешочки ?) из толстых ниток **[Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991, с. 68]**. В связи со значительной площадью рассеивания инструментов на дне погребальных камер в некоторых катакомбах можно говорить и о простой укладке орудий в общую массу (Новониколаевка, кург. гр. 2, кург. 2, погр. 1; Артемовск, кург. 1,

погр. 1) **[Санжаров, 1989, с. 89, рис. 1, I; Кравец, Татаринов, 1997, с. 79, рис. 2]**.

Более половины украинских наборов выявлено в специальных деревянных футлярах, имеющих форму шкатулки длиной до 75 см, шириной 8-16 см, высотой до 10 см и толщину стенок 0,5-1 см **[Братченко, 1989, с. 79]**. Такие футляры снабжены крышками. Они хорошо иллюстрируются находками из Коминтерново (рис. 1, 1), Желобка (рис. 4, 1) и Войтово Ш (рис. 7, 5). Близкого типа футляры происходят из захоронений донецкого типа в верховьях Оскола и на Нижнем Дону близ Шелаево (кург. 1, погр. 1) **[Карагодин, 1977, с. 232]**, из могильников Бессергеневский Ш (кург. 9, погр. 6) **[Кияшко, Яценко, 2001, с. 281, рис. 3]** и Новопалестинский I (кург. 1, погр. 9) **[Власкин, 2005, с. 163, рис. 6, 1]**. Неплохо сохранился прямоугольный футляр из клена в Бессергеневском Ш могильнике. Его нижняя часть оформлена в виде долбленого «корытца» длиной 51 см и шириной 13-13,5 см. Бортики толщиной 1 см сохранились на высоту до 4,2 см. Плоская крышка задвигалась в вырезанные в верхних краях бортиков пазы наподобие современных школьных пеналов **[Кияшко, Яценко, 2001, с. 278]**.

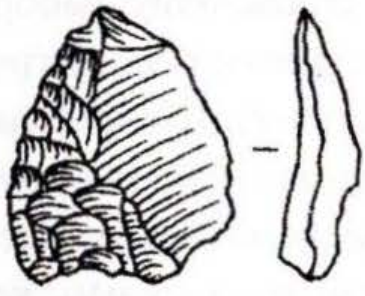
Как полагает С.Н. Братченко, традиция хранения наборов инструментов в футлярах и мешочках нашла свое отражение среди изображений на ряде антропоморфных стел эпохи раннего металла **[Братченко, 1989, с. 73, рис. 3, 2]**. Возможно, некоторые наборы располагались не в футляре, а были выложены на деревянные плохо сохранившиеся подносы с бортиками.

На дне погребальных камер стрелочные наборы очень редко ограничиваются только содержимым кошелей-мешочков и деревянных футляров. В захоронении из Коминтерново (кург. 4, погр. 4) основная часть орудий стрелочного комплекта располагалась не в деревянном футляре, а рядом с ним. В погребальной камере захоронения из Артемовска (кург. 4, погр. 1) за изголовьем умершего около деревянного футляра находилось компактное

скопление из более чем 130 кремневых обломков и отщепов, возможно, отдельно в мешочке **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 106-108, рис. 21, 1]**, а у колен – каменные наковаленка и отбойник. В другом артемовском погребении (кург. 2, погр. 3) деревянный футляр с инструментами был оставлен перед умершим, скопление кремней находилось в ногах, а четыре роговых отжимника – перед лицом **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 91-96, рис. 10, 1]**. Отсутствует устойчивая локализация и в размещении готовой продукции – кремневых наконечников стрел. Они могут находиться как в непосредственной близости от орудий стрелочного набора (Желобок, кург. 3, погр. 6) (рис. 6, 6), так и отдельно перед грудью погребенного (Николаевка, кург. 2, погр. 2) **[Санжаров, 1988, с. 147, рис. 5, 1]**. В катакомбе у Коминтерново (кург. 4, погр. 4) наконечники стрел были уложены «веером» около кисти левой руки. На сопредельных территориях отмечены случаи, когда локальными группировками из заготовок, отщепов, инструментов и кремневых наконечников стрел были заняты значительные площади дна камер и даже входных шахт (Балабинский I, кург. 37, погр. 13; Новая Квасниковка, кург. 4, погр. 5) **[Смирнов, 1983, с. 180, рис. 3; Юдин, Лопатин, 1989, с. 133, рис. 2]**. Нередко в составе производственных стрелочных наборов сама готовая продукция вообще отсутствует **[Смирнов, 1983, с. 172]**.

5. СОСТАВ СТРЕЛОЧНЫХ НАБОРОВ

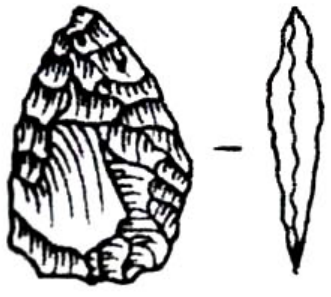
5.1. Сырье



Основным сырьем для изготовления наконечников стрел, а также копий-дротиков, служил галечный кремень, собираемый на поверхности и в размывах отложений. Он отличается довольно-таки низким качеством. В отдельных захоронениях Украины с производственными стрелочными наборами количество кремневых обломков и отщепов достигает нескольких десятков – Орджоникидзе (кург. 3, погр. 3) – более 100, Артемовск (кург. 4, погр. 1) – 130, Черевковка (кург. 1, погр. 5) – 82, Артемовск (кург. 2, погр. 3) – 68. Отщепы из высококачественного желвачного кремня, добываемого в горных разработках, встречаются редко. Так, в погребении у Владимировки (кург. 1, погр. 2) наконечники стрел, заготовки наконечников дротиков, значительное количество орудий и нуклеусов изготовлены из высококачественного полупрозрачного мелового донецкого кремня, но атрибутируются они мезолитическими и неолитическими культурами и попали в производственный комплекс в качестве подъемного материала **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 117]**. В других стрелочных наборах также нередко присутствуют нуклеусы, обломки, отщепы и пластины, целые орудия нео-энеолитического времени, отщепы и обломки с молочной патиной эпохи мезолита и палеолита, собираемые катакомбными мастерами на местах

расположения древнейших стоянок и поселений. В целом этот подъемный кремневый материал отличается не только низким качеством, но и окатанностью, высокой степенью обезвоживания **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 108]**. Данное обстоятельство говорит об отсутствии в катакомбную эпоху стационарных горных разработок кремневого сырья, по сути, противоречит самой возможности постановки вопроса о наличии на территории Восточной Украины «донецкого очага по добыче и обработке кремня эпохи средней бронзы» **[Кравец, 1991, с. 106-107]**. Причина такой ситуации объясняется интенсивным развитием исключительно бронзовой индустрии. Кремень продолжает использоваться, но преимущественно для изготовления расходных метательных орудий (оружия) – наконечников. Для их производства, с другой стороны, уже не требовалось большого количества кремневого сырья, отпала необходимость и в специальных горных выработках и «кремень собирали на поверхности» **[Березанская, 1994, с. 23]**.

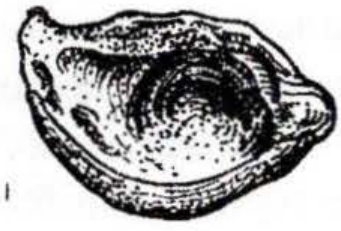
5.2. Заготовки



Они фиксируют начальную стадию изготовления наконечников стрел до нанесения тонкой отжимной ретуши и по продольному и поперечному сечениям соответствуют наконечникам **[Братченко, 2006, с. 128]**. В отличие от аморфных отщепов заготовки наконечников демонстрируют овальные двусторонне сформированные полуфабрикаты – Желобок, кург. 3, погр. 1 (рис. 4, 6-10), Коминтерново, кург. 4, погр. 4 (рис. 2, 6-7). Оформленные заготовки доведены бифасной оббивкой с краевыми формирующими сколами и имеют сердцевидную форму с уплощенным основанием –

Коминтерново, кург. 4, погр. 4 (рис. 2, 2-5). Средние размеры изделий 3х2,5 см. Максимальное количество окончательно оформленных заготовок наконечников стрел (32 экз.) получено при раскопках погребения с производственным набором орудий у Артемовска (кург. 2, погр. 3) **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 95, рис. 13]**.

5.3. Раковины



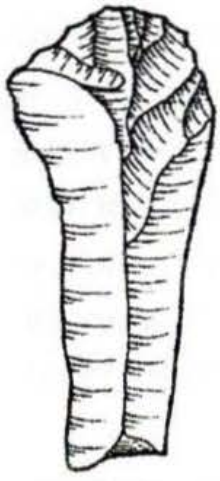
Створки перловицы обыкновенной (Unio pictorum) и ископаемые раковины (Gryphaea vesicularis) являются наиболее стабильным компонентом рассматриваемых комплексов. Из 23 приведенных захоронений (табл. 1) они отсутствовали только в трех случаях. Особо устойчивая корреляция раковин наблюдается с находками кремневых заготовок наконечников стрел, отщепами и готовой продукцией. Только в двух захоронениях (Ново-Платоновка, кург. 7, погр. 3 и Виноградное, кург. 3, погр. 35) раковины присутствовали вне комплектности с кремневыми изделиями. В одном случае (Каменск, кург. 1, погр. 6) внутри ископаемой раковины находилось неопределенное смолистое вещество низкой степени вязкости **[Санжаров, Привалов, 1992, с. 106]**. Порошок охры внутрь створок попадает при посыпке ею как умерших, так и дна могил. В сочетании с ископаемой раковиной в погребении у Артемовска (кург. 4, погр. 1) найдена естественная чашевидная конкреция **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 107, рис. 22, 9]**.

Как следует из вышерассмотренных ямных кремнеобрабатывающих наборов, впервые створки раковин четко прослеживаются именно в позднеямных захоронениях. Вероятно, первоначально эти створки, особенно речных раковин, использовались в

виде обычных ложек. Так, в Молдове в ямном погребении у Гура-Быкулуй (кург. 3, погр. 2) одиночная створка раковины с двумя отверстиями (для привязи ?) находилась непосредственно внутри сосуда с напутственной пищей **[Дергачев, 1984, с. 10-12, рис. 4, 3]**. Отмечены находки створок Unio в ямных захоронениях вблизи сосудов (Золотые Горки II, кург. 1, погр. 57) **[Парусимов, 2002, с. 8, рис. 10, 6]**. В престижных катакомбных захоронениях количество створок речных раковин доходит до семи (Васильевка, кург. 1, погр. 8) **[Шахров, Гречаный, 1991, с. 79-80]**. Несомненно, их применение было многофункциональным.

Ю.А. Смирнов допускает использование раковин в качестве деревообрабатывающего инструмента, но не исключает и возможности какой-то другой их связи с составом катакомбных стрелочных наборов инструментов и сырья **[Смирнов, 1983, с. 171]**. Были высказаны предположения о применении раковин в качестве отжимников и стругальных ножей **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 92, 96]**, или же для получения шлифовального порошка **[Кияшко, Яценко, 2001, с. 285]**. С учетом обезвоженности и низкого качества имеющегося в распоряжении катакомбных мастеров кремневого сырья нами изложена мысль об использовании раковин для вымачивания кремневых отщепов и заготовок с целью придания им большей пластичности в дальнейшей обработке **[Санжаров, 1985, с. 17]**. Как недавно подтвердилось, данная процедура являлась следствием приобретенного катакомбными специалистами опыта и необходима в технологической цепи действий для успешного расщепления кремня путем его искусственного насыщения влагой **[Волков, 2003, с. 82]**. В одном из катакомбных погребений могильника Золотые Горки IV на Нижнем Дону (кург. 2, погр. 3), содержащем орудия кремнеобработки, кремневый отщеп был вложен внутрь створки раковины Unio **[Парусимов, 2002, с. 14]**. У древнего населения сакральное значение раковин всегда отождествлялось именно с водной стихией **[Ковалева, 1989, с. 48]**.

5.4. Кремневые орудия труда



Кроме кремневого сырья и отходов в производственных стрелочных наборах встречено значительное количество отщепов и обломков с крутой, чешуйчатой и частично струйчатой ретушью по краям, указывающей на их использование в качестве режущих и скребущих инструментов при обработке деревянных изделий, прежде всего, древков стрел и, вероятно, луков. Для этих целей употреблялись отщепы без предварительной вторичной обработки. Такие отщепы, как полагает Ю.А. Смирнов, в стрелочных комплексах являлись основным видом заготовок и использовались в работе без дополнительной обработки, т.е. ретуширования **[Смирнов, 1983, с. 167]**. Катакомбными мастерами именно вспомогательные технические операции выполнялись различными кремневыми орудиями, из которых представительные серии составляют только скребки и отщепы с ретушью **[Братченко, 1995, с. 88]**.

Десять изделий из кремня, входивших в состав стрелочного набора из Новониколаевки (кург. гр. 2, кург. 2, погр. 1), по трасологическому определению В.Ю. Выборного, являлись скобелями, резчиком-скобелем, строгальным ножом, полифункциональными орудиями для резания, скобления и подпиливания **[Кравец, 1992, с. 32]**. Множество из 48 отщепов в составе комплекса из Орджоникидзе (кург. 3, погр. 3) имели следы вторичной обработки ретушью: плоской ретушью по краям, двусторонней плоской ретушью, спорадической ретушью. Такие изделия на отщепах использовались как пилки и скобели для обработки как дерева, так и кости **[Николова, Бунятян, 1991, с. 130]**. Разнообразен состав кремневых орудий из Владимировки (кург. 1, погр. 20). Здесь в качестве строгальных ножей и скобелей применялись грани

сильно сработанного призматического нуклеуса и массивные отщепы со следами утилизации на режущих лезвиях, скребков – реберчатые сколы с нуклеусов с полукруглыми ретушированными лезвиями, срединных и угловых резцов – фрагменты нуклеуса и пластинчатого отщепа. Ретушь на таких орудиях образовывалась в результате работы по дереву или кости **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 113-116]**. Часть древних нуклеусов служила отбойниками. Угловой резец на сломанной пластине, скобели (орудия с выемками), проколки выявлены в производственном комплекте из Верхней Маевки (кург. гр. ХШ, кург. 1, погр.12) **[Ковалева, Волкобой, Марина, Лихачев, Попцов, 1977, с. 28]**. Наличие в наборах кремневых сверл и проколок обусловлено операциями по насадке на древка стрел как наконечников, так и оперения. Выразительная проколка из кремня происходит из производственного комплекса близ Шелаево (кург. 1, погр. 1) **[Карагодин, 1977, с. 230-231, рис. 3, 7]**.

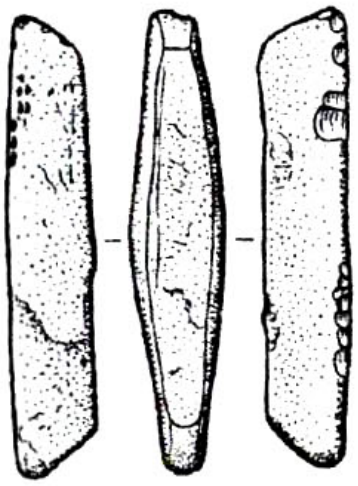
Аналогичные кремневые орудия в составе катакомбных наборов «стрелочников» известны из захоронений Среднего и Нижнего Подонья. В погребении из Песковского могильника (кург. 1, погр. 4) обнаружены сверло по дереву на кремневом отщепе, три скобеля по дереву на отщепах и ретушер на отщепе для мелких работ **[Березуцкая, 1993, с. 48-51]**. Подобные сверла-развертки с оформленными ретушью рабочими концами встречены в специализированном ингульском наборе мастера косторезного ремесла из Брилевского могильника (кург. 16, погр. 21) **[Евдокимов, 1998, с. 13]**. Кремневые стамески и мини-скребки для отделки деревянных стержней входили в комплект изделий в захоронении близ Таганрога (Бессергеневский III, кург. 9, погр. 6) **[Кияшко, Яценко, 2001, с. 275-285]**. Четыре кремневых пластины-стамески для обточки древков зафиксированы в производственном наборе из Новопалестинского I могильника (кург. 1, погр.

9) **[Власкин, 2005, с. 161-164, рис. 1, 7]**. Целый комплекс орудий на пластинах и отщепах для обработки дерева найден в катакомбном погребении мастера из Балабинского I могильника (кург. 37, погр. 13): 35 скобелей и строгальных ножей, четыре скребка, четыре проколки, три пилки и резчик-скобель **[Смирнов, 1983, с. 167]**. Также включал кремневые скобели, резцы и сверла производственный комплекс из Новой Квасниковки на Еруслане (кург. 4, погр. 5), состоящий более чем из 200 предметов **[Юдин, Лопатин, 1989, с. 131-134]**.

Исходя из полифункциональности кремневых инструментов недавно к убедительным результатам пришли В.Я. Кияшко и В.В. Яценко. Как они установили по характерным следам, некоторые кремневые наконечники стрел из производственных комплексов «лишь имели морфологическое сходство с наконечниками абстрактных типов», а в действительности служили стамесками и скобелями для отделки деревянных стержней-прутиков **[Кияшко, Яценко, 2001, с. 283-285]**.

Находимые в катакомбных захоронениях комплекты из кремневых скобелей, строгальных ножей, резцов, скребков и пилок могли использоваться в разнообразной работе по дереву. Краснозоринский комплект (кург. 1, погр. 3) из двух стамесок, углового резчика, скребка и скобеля-пилы мог применяться для изготовления деревянной посуды и тех же самых деревянных футляров мастеров-стрелочников **[Санжаров, Бритюк, 1996, с. 64-66, рис. 5]**. Такими же орудиями могли производиться деревянные детали повозок и колес **[Березанская, Ляшко, 1989, с. 23]**, хотя в объемных деревообрабатывающих работах, без сомнения, использовались бронзовые топоры, долота и тесла, пригодные для строгания **[Писларий, 1979, с. 21]**.

5.5. Наковаленки, песты, отбойники-ретушеры



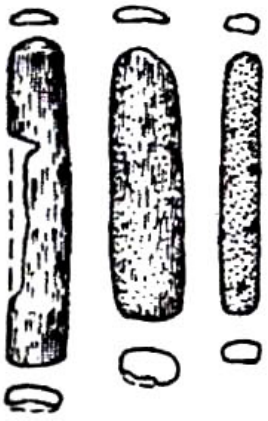
Каменные наковаленки присутствуют в 30 % катакомбных захоронениях со стрелочными наборами. Преимущественно они имеют цилиндрическую и прямоугольную формы, изготовлены из твердых пород камня (гранит, диабаз, кварцит, сланец). Их нахождение в составе орудий по изготовлению кремневых наконечников оправдано необходимостью твердых устойчивых упоров в процессе расщепления кремня. Цилиндрические наковаленки с расширением к основанию больше характерны для ингульских захоронений – Каменск, кург. 1, погр. 6; Громовка, кург. 1, погр. 7; Славное, кург. 1, погр. 2 [**Санжаров, Привалов, 1992, с. 107, рис. 1, 7; Кубышев, Нечитайло, 1991, с. 10, рис. 3, 1, Колтухов, Тощев, 1998, с. 99, рис. 52, 17**], прямоугольные – для донецких и смешанных – Артемовск, кург. 4, погр. 1; Александровск, кург. 1, погр. 49 [**Кравец, Татаринов, 1997, с. 107, рис. 22, 13; Братченко, 2008**]. В качестве наковаленок в некоторых погребениях находятся обломки обушков каменных топоров-молотков – Желобок, кург. 3, погр. 1 (рис. 3, 3) и крупные окатыши – Пески, кург. 1, погр. 4; Николаевка, кург. 2, погр. 2 [**Березуцкая, 1993, с. 50, рис. 2, 13; Санжаров, 1988, с. 147, рис. 5, 7**]. Для этих целей вполне пригодны крупные песчаниковые плитки [**Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 67, рис. 21, 1; Разумов, Шевченко, 2007, с. 116, рис. 6, 4,5; Власкин, 2005, с. 161**]. Конечно же, подобного рода изделия были многофункциональными.

Разнообразны и каменные песты-растиральники, встреченные в 22 % захоронений со стрелочными наборами. Они состоят из каменных конусовидных орудий с уплощенной рабочей пяткой – Желобок, кург. 3, погр. 6 (рис. 6, 11) и брусковидных, округлых или овальных в сечении изделий – Филатовка, кург. 12,

погр. 2; Артемовск, кург. 2, погр. 3, кург. 4, погр. 1 **[Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 66, рис. 20, 4; Кравец, Татаринов, 1997, с. 94, рис. 12, 7,8, с. 107, рис. 22, 11]**. К пестам можно отнести различные бруски из гальки и песчаника (Владимировка, кург. 1, погр. 20) **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 116, рис. 6, 6-9]**. Пестообразные орудия в комплексах стрелообрабатывающего производства могли выполнять функции отбойников, а некоторые – служить наковаленками **[Смирнов, 1983, с. 168; Разумов, Шевченко, 207, с. 112]**. Широкое утилитарное значение пестов в бронзовом веке находило применение в процессах дробления рудных масс, древесного угля, охры, зерна, в кузнечном деле **[Власкин, Ильюков, 1992, с. 188, 192]**.

Отбойники-ретушеры отмечены в 13 из 23 рассматриваемых захоронениях со стрелочными наборами. Эти изделия не имеют четких устоявшихся морфологических признаков и преимущественно обособляются по характерным следам забитости. При этом нередко в качестве жестких отбойников катакомбными мастерами применялись кремневые нуклеусы и их обломки **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 113-114]**. Ими же на заготовках производилась плоская ретушь. Удобными отбойниками могли служить каменные бруски – Коминтерново, кург. 4, погр. 4; Войтово Ш, кург. 4, погр. 10 (рис. 1, 4; 8, 4), удлиненные галечные окатыши – Николаевка, кург. 2, погр. 2; Бурлацкое, кург. 3, погр. 4; Артемовск, кург. 2, погр. 3; кург. 4, погр. 1; могильник Бессергеневский Ш, кург. 9, погр. 6 **[Санжаров, 1988, с. 149, рис. 7, 2; 1991, с. 247, рис. 7, 8; Кравец, Татаринов, 1997, с. 99, рис. 12; 7, 8, с. 107, рис. 22, 8; Кияшко, Яценко, 2001, с. 282, рис. 4, 9]**. В качестве отбойников из балабинского стрелочного набора Ю.А. Смирнов приводит орудия пестовидной формы с характерными следами забитости на боковых и торцовых частях **[Смирнов, 1983, с. 183, рис. 8, 4,5]**.

5.6. Роговые (костяные) отжимники, клыки, зубы



Выявлены в четырнадцати захоронениях со стрелочными комплексами. В некоторых наборах их количество составляет 5-6 штук (Филатовка, кург. 12, погр. 2; Артемовск, кург. 2, погр. 3). Представлены цилиндрическими и уплощенными короткими стержнями и пластинами с овальным, прямоугольным или округлым сечением. В длину достигают от 5 до 11 см, в диаметре – 1-1,5 см (рис. 1, 8; 4, 2, 3; 6, 3). Изредка отжимники выполнялись из трубчатой кости (Филатовка, кург. 12, погр. 2) и клыков дикого кабана (многогранные в сечении – Артемовск, кург. 4, погр. 1) **[Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 68; Кравец, Татаринов, 1997, с. 107-108, рис. 22, 2,3]**. Из рога оленя или лося изготовлен четырехугольный в сечении отжимник из Новопалестинского могильника (кург. 1, погр. 6) **[Власкин, 2005, с. 161]**. В захоронении у Владимировки (кург. 1, погр. 20) найден отжимник, выточенный из основного ствола рога оленя **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 111]**. На их изготовление шли и рога козы. В нескольких захоронениях со стрелочными комплексами встречены целые и фрагментированные козьи рога – Николаевка, кург. 2, погр. 2; Пески, кург. 1, погр. 4; Артемовск, кург. 2, погр. 3 **[Санжаров, 1988, с. 149, рис. 7, 1; Березуцкая, 1993, с. 51; Кравец, Татаринов, 1997, с. 93, рис. 11, 1-3]**.

Наряду с роговыми (костяными) цилиндрическими и плоскими изделиями функции отжимников выполняли клыки кабана (Александровск, кург. 1, погр. 49; Громовка, кург. 1, погр. 7; Пески, кург. 1, погр. 4), зубы лошади (Владимировка, кург. 1, погр. 20), зубы свиньи (Балабинский I, кург. 37, погр. 13) и когти орлана (Орджоникидзе, кург. 3, погр. 3). Два отжимника из зубов лошади входили в производственный набор кремневых и каменных инструментов мастера-костореза ингульской культуры из Бри-

левки (кург. 16, погр. 21) в Нижнем Поднепровье **[Евдокимов, 1998, с. 13]**.

Функционально отжимники предназначались как для снятия отщепов, так и нанесения отжимной ретуши на кремневые заготовки наконечников стрел и копий-дротиков.

5.7. Бронзовые и костяные ретушеры

Более половины всех известных катакомбных наборов орудий для изготовления стрел содержат бронзовые округлые или прямоугольные в сечении стержни, ограниченная часть – так называемые костяные остроконечники. Подобные изделия Ю.А. Смирновым трактуются как пробойники, имеющие непосредственную связь с процессом изготовления стрел **[Смирнов, 1983, с. 171]**. Мы предположили использование катакомбными мастерами бронзовых стержней в качестве твердых ретушеров с острым окончанием, позволяющим наносить на края заготовки тонкую струйчатую, зубчатую ретушь и этим окончательно формировать конечную продукцию – наконечники стрел **[Санжаров, 1988, с. 152]**. Как бронзовые стержни, так и полифункциональные орудия – четырехгранные шильца С.Н. Братченко рассматривает в виде ретушеров для нанесения узко-выемчатой ретуши на заготовки наконечников стрел **[Братченко, 2006, с. 252]**. Некоторые экземпляры бронзовых стержней имеют длину более 20 см без выраженных черешков, т.е. вероятно, не имели вообще рукоятей – Чограй VШ, кург. 12, погр. 3 **[Андреева, 1989, с. 91, рис. 15, 7]**.

К настоящему времени ассортимент бронзовых ретушеров значительно расширен. Классические из них имеют вид стамески или четырехгранного стержня со скошенным (зауженным) по бокам лезвием, иногда с коротким черешком для насада в деревян-

ную рукоять (Шелаево, кург. 1, погр. 1; Николаевка, кург. 2, погр. 2; Новониколаевка, кург. гр. 2, кург. 2, погр. 1) **[Карагодин, 1977, с. 231, рис. 3, 2; Санжаров, 1988, с. 147, рис. 5, 3; 1989, с. 98, рис. 1, Ш]**. В производственных стрелочных наборах встречены и бронзовые четырехугольные обоюдоострые стержни без выраженного черешка (Артемовск, кург. 1, погр. 1) **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 80, рис. 3, 4]**, перегнутые вдвое стержни с сужением к одному концу (Орджоникидзе, кург. 3, погр. 3) **[Николова, Бунятян, 1991, с. 131, рис. 2, 18]**, изогнутые стержни длиной до 20 см также с равномерным сужением к рабочему окончанию (Артемовск, кург. 2, погр. 3) **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 93, рис. 11, 12]** и совсем миниатюрные, размером 1,3x0,3x0,4 см, стержни (Владимировка, кург. 1, погр. 20) **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 111]**. Изогнутый крюкообразный вид имеют бронзовые ретушеры из Саратовского Заволжья (Новая Квасниковка, кург. 4, погр. 5) **[Юдин, Лопатин, 1989, с. 137, рис. 6, 1,4]**.

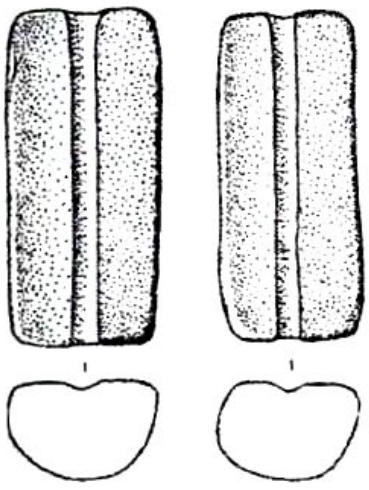
Для нанесения зубчатой струйчатой ретуши на кремневые наконечники пригодны острые осколки клыков кабана, трубчатых костей животных и заостренные тонкие кости птиц, известные из производственных наборов в погребениях у Громовки (кург. 1, погр. 7) и Каменска (кург. 1, погр. 6) **[Кубышев, Нечитайло, 1991, с. 10, рис. 3, 15,16,18; Санжаров, Привалов, 1992, с. 109, рис. 2, 8]**. Не исключено применение для такой цели и плавниковых костей крупных рыб **[Евдокимов, 1998, с. 17, рис. 4, 2-4]**. Однако особый вид костяных ретушеров представляют остроконечники с боковыми парными прорезями у головки, встреченные в количестве пяти экземпляров в наборах близ Каменска (кург. 1, погр. 6) и Славного (кург. 1, погр. 2) **[Санжаров, Привалов, 1992, с. 109, рис. 2, 7,8; Колтухов, Тощев, 1998, с. 99, рис. 52, 8-12]**. Их заостренные упругие окончания могли служить отжимниками для нанесения струйчатой зубчатой ретушь

ши. Подобные остроконечники в количестве 10 экз. обнаружены в стрелочном комплексе близ Шелаево (кург. 1, погр. 1) **[Карагодин, 1977, с. 230]**. В сочетании с кремневыми наконечниками стрел десять остроконечников с прорезями обнаружены в позднекатакомбном захоронении под Барвиновкой (кург. 7, погр. 15) в Запорожской области **[Пустовалов, 2001, с. 117, 129, рис. 7, 3-6]**. Близкие костяные остроконечники зафиксированы в катакомбном погребении у с. Юрьевка той же Запорожской области **[Пустовалов, 2005, с. 171]**.

Первоначально, по-видимому, костяные остроконечники с прорезями являлись составными деталями гребней. Прототипы фигурных костяных остроконечников восходят к образцам из позднеямных захоронений (Глубокое, кург. 1, погр. 21) **[Шмаглий, Черняков, 1970, с. 88, рис. 64, 3,4,26,27,30-35]**. В катакомбе около Красной Гусаровки в Подонцовье 38 таких изделий были скреплены нитью **[Берестнев, 2001, с. 38, 205, рис. 46, 13-17]**, а в позднем финальнокатакомбном захоронении на Ингуле близ Пелагеевки 140 аналогичных предметов образовывали составной инструмент ткацкого производства **[Шарафутдинова, 1977, с. 94-95, рис. 9, 4]**. В погребении эпохи поздней бронзы в степном Крыму у Краснопартизанского (кург. 1, погр. 3) 40 подобных изделий с прорезями составляли «обойму» и располагались на затылочной части черепа умершего **[Андреев, 1992, с. 117, рис. 2, 1]**. Одиночные находки этих предметов происходят из слоев поселений среднебронзового века (Алешин Ручей, Каменское, Шиловское) **[Рыбалова, 1974, с. 36-37, рис. 10, 2-5; Пряхин, 1976, с. 44, рис. 10, 18, 19]**.

Вероятно, для производства ретуши катакомбные специалисты кремнеобработки употребляли и кремневые ретушеры – Пески, кург. 1, погр. 4 **[Березуцкая, 1993, с. 51]**.

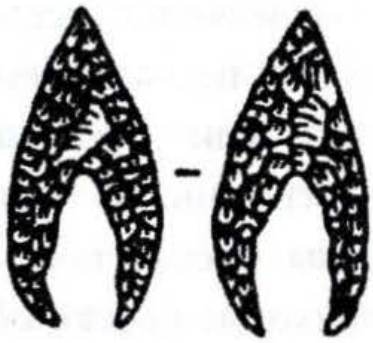
5.8. Абразивные материалы



Среди них особо выделяются встречаемые традиционно парами песчаниковые абразивы прямоугольной или овальной формы со скругленным основанием. Наложенные на древко стрелы плоскостями с желобками такие песчаниковые бруски образовывали составное орудие для шлифовки. Желобчатые абразивы являются почти обязательной частью производственных стрелочных наборов. Иногда их количество непарное (3–7 шт.), но встречены и по две пары (Александровск, кург. 1, погр. 49; Желобок, кург. 3, погр. 6), и даже три (Черевковка, кург. 1, погр. 5). Такие специфические шлифовальные орудия отсутствуют в тех стрелочных наборах, которые содержат в основном инструмент для изготовления исключительно кремневых наконечников (Желобок, кург. 3, погр. 1; Громовка, кург. 1, погр. 7; Владимировка, кург. 1, погр. 20).

Во фрагментированном или окончательно сработанном состоянии желобчатые абразивы помещались в производственные комплексы, но уже как шлифовальные плитки или оселки (Бурлацкое, кург. 3, погр. 4) **[Санжаров, 1991, с. 247, рис. 7, 1-3]**. Последние довольно часто присутствуют в наборах. Не исключено, что для окончательной шлифовки древок применялся в качестве абразивного материала порошок мела. Его куски встречены в некоторых погребениях с наборами стрелочных инструментов **[Санжаров, 1991, с. 246]**. В.Я. Кияшко и В.В. Яценко допускают возможность и полировки древок стрел с помощью порошка из толченых раковин **[Кияшко, Яценко, 2001, с. 285]**.

5.9. Готовая продукция



Кремневые наконечники стрел встречены в 16 из 23 захоронений со стрелочными наборами, т.е. фактически являются их обязательным атрибутом. В шести из них дополнительно присутствовали и кремневые наконечники копий-дротиков. В одном случае (Безмятежное, кург. 1, погр. 5) стрелы отсутствовали, но выявлен кремневый наконечник копья. Таким образом, в качестве оружия дальнего боя катакомбными материалами воспринимались не только стрелы (и лук), но и копья-дротики. Среднее количество кремневых наконечников стрел в наборах инструментов составляет 5-10 штук. Самым представительным комплексом в этом отношении является катакомба из Артемовска (кург. 2, погр. 3), содержащая 34 кремневых наконечника стрел и 32 их оформленные заготовки.

В рассматриваемой группе катакомбных погребений присутствуют все стандартные типы позднекатакомбных наконечников стрел – разновидности сердцевидной формы с разновеликими выемками в основании (рис. 2, 1; 6, 5). В захоронении из Орджоникидзе (кург. 3, погр. 3) отмечены и черешковые типы **[Николова, Бунятян, 1991, с. 133, рис. 3, 17, 18]**. Изготовление кремневых наконечников стрел требовало высокой квалификации, значительного опыта. Их формы «отмечаются изяществом, часто вычурностью» **[Березанская, 1994, с. 24]**.

Типы катакомбных наконечников стрел недавно проанализированы С.Н. Братченко. Суммируя результаты его работы, отметим, что катакомбные мастера добились «высшего совершенства» в изготовлении кремневых наконечников стрел различных типов на фоне всей многовековой кремневой индустрии. При их производстве учитывался объект возможного поражения, защищенность или незащищенность противника. Настоящего восхи-

щения заслуживают изделия с глубокими выемками и хрупкими жальцами, рассчитанные на эффект нанесения ран осколками. При насадке на древко, диаметр которого был меньше ширины выемок, острые жальца наконечников не заходили в них и являлись типичными шипами **[Братченко, 2006, с. 130, 240]**. У некоторых экземпляров внутренние выемки настолько глубоки, что достигают трети всей длины наконечников. Порой окончания усиков-жальцев почти сходятся, а их толщина составляет всего 1,5-2 мм **[Санжаров, 2001, с. 90]**. Отдельные экземпляры имеют настолько глубокие треугольные выемки в основании, что сами наконечники приобретают угловидную, весьма ломкую, хрупкую форму – Чограй VIII, кург. 12, погр. 3 **[Андреева, 1989, с. 91, рис. 15, 10]**.

Хрупкость таких образов заставляет сомневаться в их практическом назначении – они ломаются под собственным мизерным весом при падении с незначительной высоты **[Братченко, 2006, с. 276]**. Загнутые внутрь жальца этих изделий сужали основание выемок до 3-4 мм. Насадить подобные наконечники на древко и сохранить их целостность вообще не представляется возможным. В связи с этим не исключена вероятность их изготовления в качестве изящных символов власти, могущества **[Klein, p. 210-227]**.

Судя по характерным следам на лезвиях, некоторые кремневые наконечники стрел использовались вторично в виде деревообрабатывающих инструментов **[Кияшко, Яценко, 2001, с. 283-285]**. Ими могли служить экземпляры с обломанными шипами, входящие в производственные комплекты не как бракованные изделия, а орудия с острыми лезвиями, удобными для выполнения режущих и скребущих функций – Степной, кург. 5, погр. 6 **[Мельник, 1991, с. 17-21, рис. 7, 3]**.

Археологические свидетельства о способе крепления кремневых наконечников в древки отсутствуют. Следует полагать, что сердцевидные наконечники вставлялись с торца древка в паз и

закреплялись органикой – тонкими сухожилиями, нитью, конским волосом и т.п. Следы смолы не зафиксированы, но вполне вероятно использование органического клея.

Кремневые наконечники копий-дротиков представлены орудиями различной формы, но преимущественно овальной. Они изготовлены бифасной оббивкой с краевыми формирующими сколами, т.е. по технике производства тождественны наконечникам стрел (рис. 6, 1,2). Нередко лезвийная часть по краю оформлена струйчатой ретушью. У наконечника из Каменска (кург. 1, погр. 6) ланцетовидный черешок снабжен боковыми плечиками-уступчиками **[Санжаров, 2001, с. 91, рис. 1]**. У обломка треугольного наконечника из Коминтерново (кург. 4, погр. 4) слабо скруглено основание (рис. 2, 11).

Наиболее крупные и массивные из разновидностей данных изделий могут считаться наконечниками копий, менее крупные – дротиков. При незначительных вариациях в изменении внешних очертаний в основе всех кремневых наконечников копий-дротиков лежит распространенная в эпоху средней бронзы листовидная форма **[Колтухов, Тощев, 1998, с. 99, рис. 52, 6]**.

Не исключено использование кремневых наконечников копий-дротиков в качестве режущих инструментов, т.е. универсальных орудий, прежде всего, мясных ножей, о чем свидетельствуют трасологические анализы этих предметов, произведенные Г.Ф. Коробковой **[Братченко, 2001, с. 26]** и В.Ю. Выборным **[Кравец, 1992, с. 176-179]**. Рассматривая позднеямные кремневые изделия, морфологически близкие как наконечникам копий-дротикам, так и кинжалам-ножам, С.Н. Разумов, в условиях отсутствия трасологических определений и остатков древок, предложил оригинальный способ установления их прямого назначения: если орудия найдены в захоронениях у изголовья или плеча остриями вверх – это наконечники копий (дротиков), а если – у таза либо кистей рук и остриями вниз, то, скорее всего, являлись кинжалами (ножами) **[Разумов, 2001, с. 30]**. Однако вряд ли

можно согласиться с его заключением о принадлежности наконечников копий (дротиков) только видам оружия среднего или ближнего боя **[Разумов, 2001, с. 31]**, поскольку последние в достаточном количестве со следами использования в охоте (разбиты, раздроблены в результате броска, принесены на поселение в тушах добытой дичи) обнаружены на катакомбных поселениях **[Санжаров, 2004, с. 55]** и являются доказательством применения также в качестве оружия дальнего боя.

В нескольких катакомбных захоронения с производственными стрелочными наборами зафиксированы остатки прутиков – древков стрел – Черевковка (кург. 1, погр. 5); Бурлацкое (кург. 3, погр. 4); Артемовск (кург. 4, погр. 1); Владимировка (кург. 1, погр. 20). При этом в последнем случае древки (3-4 экз.) выявлены непосредственно в деревянном футляре, сверху рабочих инструментов. Они имели длину до 65 см и диаметр 0,5 см **[Разумов, Шевченко, 2007, с. 110]**. Длина прута в погребении у Артемовска достигала 40 см, диаметр – 1 см **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 108]**. Исходя их размеров канавок на песчаниковых желобчатых абразивах С.Н. Братченко установил средние размеры катакомбных стрел – длина 45-60 см, диаметр 0,5-1 см **[Братченко, 2006, с. 279]**. В.Я. Кияшко и В.В. Яценко допускают, что не все подобные прутики из катакомбных погребений являлись древками стрел. По их мнению мастера-стрелочники могли изготовлять с обрядовыми целями только стержни-прутики для составления «сакрального «веничка» **[Кияшко, Яценко, 2001, с. 283-285]**.

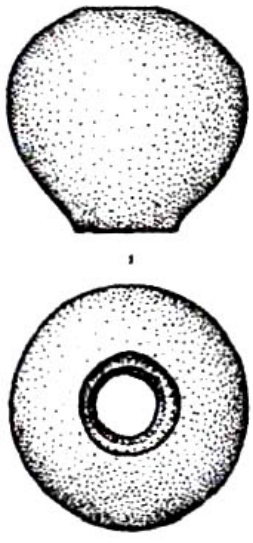
Изредка в составе катакомбных наборов для выработки стрел встречаются инструменты для изготовления луков. В подобном комплексе орудий из Мелеховской (кург. 16, погр. 15) обнаружено двузубое костяное приспособление, предназначенное для правки тетивы лука **[Кулик, 1996, с. 50]**. Аналогичное орудие из скола длинной кости с раздвоенным окончанием найдено в составе разрозненного комплекса инструментов (скребок, кварцитовый отщеп, раковина) при детском костяке в катакомбе из

могильника Золотые Горки IV (кург. 2, погр. 3) **[Парусимов, 2002, с. 14, рис. 31, 4]**. Узкие следы от доводки тонкого материала (тетивы ?) имелись на куске песчаника из Орджоникидзе (кург. 3, погр. 3) **[Николова, Бунятян, 1991, с. 132]**. Длинные, глубокие и узкие следы оставлены на одном из абразивов из Артемовска (кург. 2, погр. 3) **[Кравец, Татаринов, 1997, с. 94, рис. 12, 5]**. На пяточке обушка обломка каменного топора-молотка из Желобка (кург. 3, погр. 1) фиксируется тонкий желобок от доводки, вероятно, тетивы лука (рис. 3, 8). Растиральник с подобным желобком встречен в ингульской катакомбе из Васильевки (кург. 1, погр. 8), в камере которой находились два костяка взрослых мужчин в сопровождении лука **[Шахров, Гречаный, 1991, с. 80, рис. 2, 11]**.

Однако убедительные остатки самих луков прослежены в погребениях со стрелочными наборами из Бурлацкого (кург. 3, погр. 4) и Славного (кург. 1, погр. 2). Они были размещены впритык к погребенным или лежали непосредственно на них. Длина луков составляла 1,2-1,25 м, диаметр – 2-3 см **[Санжаров, 1991, с. 244; Колтухов, Тощев, 1998, с. 100]**. Относительно костяка в этом же месте (на костях правой руки) встречен один из лучших сохранившихся экземпляров лука с зауженными окончаниями в катакомбном захоронении у Кондратовки (кург. 1, погр. 10). Длина его древка составляла 1,2 м, толщина – до 3 см **[Кульбака, Качур, 1998, с. 30-31, рис. 12, 4]**. Кремневые наконечники стрел и остатки лука на костях таза погребенного зафиксированы в донецкой катакомбе близ Артемовска (раскопки 1988 г., кург. 2, погр. 1) **[Дмитриев, 1989, с. 101]**.

Преимущественно катакомбные луки относятся к категории простых и в среднем достигают длины 0,9-1,3 м. Их редкую встречаемость в захоронениях С.Н. Братченко объясняет тем обстоятельством, что в эпоху средней бронзы луки слишком ценились, чтобы класть их в могилы **[Братченко, 1989, с. 71-72]**.

6. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОГРЕБЕННЫХ



Специфика погребальных памятников, как справедливо отмечает Л.А. Черных, широкая амплитуда различных и даже взаимоисключающих точек зрения не дают однозначного ответа об отражении погребальным обрядом и инвентарем социально-экономической реальности **[Черных, 1996, с. 18]**. Тем не менее имеющиеся достаточно выразительные материалы по катакомбным погребениям с наборами для изготовления метательного оружия нуждаются в соответственной социальной интерпретации, пусть даже в обстановке полярности ранее высказываемых заключений. От прочих катакомбных погребальных устройств захоронения со стрелочными комплектами орудий особо не отличаются ни грандиозными сооружениями, ни значительными глубинами. При этом фрунзенский неопубликованный набор стрелочных инструментов выявлен в катакомбе, состоящей из входной шахты и двух камер, что, по данным С.Ж. Пустовалова, маркирует наивысший социальный ранг умерших в катакомбном обществе **[Пустовалов, 1990, с. 66-67]**. Две камеры имела и катакомба донецкого типа и из Жовтневого (кург. 12, погр. 2), также содержащая производственный стрелочный **набор [Пустовалов, 1990, с. 58, 61]**.

Как минимум 9 из 23 рассматриваемых украинских катакомбных погребений были основными и с ними связано трудоемкое возведение первичной курганной насыпи (Филатовка, Орд-

жоникидзе, Ново-Платоновка, Каменск, Николаевка, Бурлацкое, Артемовск, кург. 1, погр. 1, кург. 4, погр. 1, Славное). Данное обстоятельство дает повод предполагать значительный статус части лиц, погребенных в сопровождении стрелочных комплектов. Из них в трех захоронениях выявлены символы власти – парадные каменные топоры-молотки и навершие булавы (Филатовка, кург. 12, погр. 2; Николаевка, кург. 2, погр. 2; Бурлацкое, кург. 3, погр. 4), а в погребениях у Филатовки, Каменска, Бурлацкого и Славного к тому же зафиксированы частичные моделировки лицевых покровов умерших. В сочетаниях с основным характером захоронений, собственными курганными насыпями, выявлением символов власти и фиксацией обряда моделировки лицевых покровов указанные признаки служат надежным основанием для определения самого высокого ранга лиц из числа социальной верхушки общества. Группировка данных признаков не умаляет своего значения в качестве ведущего определителя статуса даже при условии стандартных размеров и глубин основных катакомб **[Санжаров, 2007, с. 152]**.

Во всех захоронениях со стрелочными наборами, изученных Е.А. Шепель, находились костяки взрослых мужчин **[Шепель, 1985, табл. 35-36]**. В двух случаях погребенных сопровождал подросток или ребенок (Коминтерново, кург. 4, погр. 4; Владимировка, кург. 1, погр. 20). Как считает С.Ж. Пустовалов, умершие в захоронениях данной группы являлись не только изготовителями оружия, но и непосредственно воинами **[Пустовалов, 2005, с. 101]**. Это положение подтверждается фактами обнаружения как в костях погребенных застрявших кремневых наконечников стрел, так и одиночными наконечниками с обломанными шипами, извлеченных из тел и уложенных около них, послуживших причиной смерти в результате военных конфликтов (Кондратовка, кург. 1. погр. 10; Григорьевка, кург. гр. 1, кург. 1, погр. 1; Васильевка, кург. гр. 2, кург. 5, погр. 5; Артемовск, кург. 4, погр. 1) **[Кульбака, Качур, 1998, с. 31, рис. 12, 5; Ковалева, Андросов,**

Шалобудов, Мартюшенко, 1989, с. 7, рис. 2, 14; Ковалева, Мухопад, 1995, с. 32, 33, рис. 9, 8; Кравец, Татаринов, 1997, с. 108]. Оружием, равнозначным боевым топорам, С.С. Березанская предлагает рассматривать топоры-молотки и булавы, поскольку те довольно часто встречаются в катакомбах **[Березанская, 1994, с. 28]**. С.Ж. Пустовалов считает, что в среде катакомбной культуры каменные топор-молоток и булава являлись как символами лиц высокого социального статуса, так и оружием **[Пустовалов, 1991, с. 41]**. Близкой точки зрения в отношении булав придерживается В.В. Килейников **[Килейников, 2004, с. 142]**. Распространение ведущих типов каменных наверший булав в эпоху средней бронзы В.И. Клочко увязывает преимущественно с донецкой катакомбной культурой **[Klochko, 2002, p. 23-26]**. Хотя, следует признать, все типы булав достаточно индифферентны во времени **[Ильюков, 2003, с. 113]**. В качестве символов власти и военного могущества в бронзовом веке использовались не только каменные, но и бронзовые (гробница 13 могильника Каркемыша) **[Woolley, 1952, p. 222, plate 61, a]**, алебастровые (Бородинский клад) **[Кривцова-Гракова, 1949, с. 17-18, 23, табл. XVII]** и даже деревянные (Мухин II, кург. 8, погр. 3) **[Беспалый Е., Беспалый Г., 2002, с. 106, рис. 45, 5]** жезлы-булавы. Тем не менее, именно кремневые наконечники стрел, по мнению С.Н. Братченко, удовлетворяли в катакомбное время существующие потребности в ведении войны, являлись орудиями ранения и смерти **[Братченко, 2006, с. 240]**.

Развивая идею воинских погребений в среде катакомбной культуры, необходимо констатировать особый статус в древности лука и стрел, статус не только военный, но и культовый, с которым, по всей видимости, сопричастны и захоронения с производственными стрелочными наборами. Владение луком давало возможность эффективно воздействовать на окружение, в том числе и людей, без применения предельной мускульной силы **[Санжаров, 1985, с. 18]**. Изображения лука и стрел прослежены среди

мифологических сцен Каменной Могилы **[Михайлов, 1992, с. 103, рис. 3, 3]**, на антропоморфных стелах, в окружении топоров и булав, эпохи раннего металла **[Братченко, 1989, с. 73]**. М. Гимбутас полагала, что гравировки лука, колчана и стрел на антропоморфных изваяниях олицетворяют одну из группировок исключительно индоевропейской символики **[Gimbutas, 1980, p. 305]**. Как следует из Махабхараты (Карнапарва), изображения на теле воина стрел и лука со стрелой являлись атрибутами воинской удачи. Подчеркивая свое военное могущество, царь Юдхиштхира замечает: «На обеих руках моих линиями обозначены стрелы и лук со стрелой, изготовленный к бою, а на ступнях моих – стрелы и стяги. Такого, как я, невозможно одолеть в сражении» **[Махабхарата (Карнапарва), 1990, с. 172, 263]**. Настоящий гимн священному оружию – луку и стрелам сохранила древнеиндийская эпическая поэма Рамаяна:

Висели на гладкой стене два злотых полукружия –
Два лука, что были опаснее Индры оружия.
Ломились покрытые дивным узором колчаны
От стрел златозарных, сулящих смертельные раны.
Со змеями, что озаряли подземное царство
Роднил эти стрелы их солнечный блеск и коварство.

[Рамаяна, кн. II, часть 99].

С тигровым клыком или с бритвой сравниться
способны, -
Ужасные стрелы, что в мир отправляют загробный.

[Рамаяна, кн. VI, часть 45].

Лук, деревянный колчан со стрелами, булава и прочие престижные вещи сопровождали представителя родовой кемиобинской аристократии в каменной гробнице близ Широкого (Алкалия, кург. 33, погр. 3) на юге Одесской области **[Субботин, 1995, с. 195, рис. 2, 4,5,8]**. В катакомбном погребальном обряде

часты сочетания находок остатков луков, стрел с каменными топорами-молотками, навершиями булав, стрекалами (Головковка, кург. 24, погр. 2; Звенигородка, кург. 10, погр. 3; Заможное, кург. 5, погр. 5; Раздольное, кург. 3, погр. 12) **[Полин, Тупчиенко, Николова, 1994, с. 50, рис. 13, 2-7; с. 88, рис. 51; Отрощенко, Пустовалов, 1991, с. 64, рис. 8; Кульбака, Качур, 2000, с. 71, рис. 16, 1-5]**. В одном из таких захоронений (Колпаковка, кург. гр. Ш, кург. 4, погр. 1) лук, стрелы и булаву сопровождали три желобчатых песчаниковых абразива **[Марина, Ковалева, Ромашко, 1982, с. 10, 17, рис. 2, 18-21]**.

В представлениях древних зороастрийцев булавы, кремневые наконечники стрел и копий являлись оружием воинов, которые в свою очередь находились под покровительством божества, олицетворяющего собой власть и силу **[Бойс, 1987, с. 32-34]**. В этой связи лук и стрелы уже являлись знаками особого социального ранга **[Братченко, 1989, с. 71]**, связанного с военным делом и управлением.

Три захоронения с символами власти содержали бронзовые ножи и шилья-стержни (Желобок, кург. 3, погр. 6; Николаевка, кург. 2, погр. 2; Филатовка, кург. 12, погр. 2). Эти же бронзовые предметы находились и в катакомбах без внешних выраженных признаков высокого социального ранга. В погребении у Николаевки (кург. 2, погр. 2) к тому же встречен комплект игральных (гадательных) костей, вырезанных из слоновой кости, указывающий на определенные жреческие функции погребенного **[Санжаров, 1988, с. 154-157]**. С культовым характером игры в кости в древности в принципе согласен и Л.С. Клейн **[Клейн, 1997, с. 65]**. Само изготовление игральных костей также требовало высоких профессиональных навыков и специализированного набора производственных инструментов, о чем свидетельствует ингульский погребальный комплекс (кург. 16, погр. 21) из Брилевского могильника в низменной части Днепровского левобережья **[Евдокимов, 1998, с. 10-19]**.

Во всех донецких захоронениях со стрелочными наборами встречены керамические сосуды, в значительной части – жаровни и деревянная посуда. По всей видимости, присутствие посуды в ингульских захоронениях не было строго регламентировано нормами погребальной обрядности. Состав престижных предметов во впускных погребениях из Желобка (кург. 3, погр. 6) и Новониколаевки (кург. гр. 2, кург. 2, погр. 1) дополнен навершием булавы и топором-молотком.

Подводя черту рассмотрению особенностей социального статуса погребенных с производственными стрелочными наборами, о высшем ранге можно говорить в отношении только тех захоронений мужчин, которые являлись основными в курганах, сопровождались собственными насыпями и подсыпками и были промаркированы традиционными символами власти. Из 23 представленных погребальных комплексов к данной группе можно отнести десять погребений – восемь основных с насыпями и два впускных с досыпками (Желобок, кург. 3, погр. 6; Новониколаевка, кург. гр. 2, кург. 2, погр. 1), т.е. почти половину. Такой высокий удельный вес социально значимых захоронений со стрелочными наборами С.Ж. Пустовалов объясняет специфическим родом профессиональной деятельности погребенных, сопряженной с производством оружия **[Пустовалов, 2005, с. 101]**. Между тем, наиболее высший ранг умерших, уровень родовой аристократии, иллюстрируют всего четыре погребения, составляющие 17 % всей группы: два погребения донецкой культурной атрибуции (Николаевка, кург. 2, погр. 2; Желобок, кург. 3, погр. 6) и два – ингульской (Филатовка, кург. 12, погр. 2; Бурлацкое, кург. 3, погр. 4). К ним следует отнести и неопубликованные захоронения из Фрунзе (кург. 8, погр. 2) и Жовтневого (кург. 12, погр. 2). Именно эти погребения выделяются собственными насыпями-досыпками, представляют систему двух камер, содержат орудия из бронзы, кремневые наконечники копий-дротиков, игральные кости, символы власти и традицию лицевых моделировок.

Таким образом, если рядовые катакомбные захоронения с производственными стрелочными наборами и могут рассматриваться в качестве погребений мастеров-изготовителей стрел, ремесленников определенной специализации, то захоронения с признаками высшей родовой аристократии таковыми являться не могут. Стрелочные производственные наборы в захоронениях родовой аристократии приобретали сакральное значение **[Санжаров, 1988, с. 26]**. И.Ф. Ковалева оценивает нахождение орудий ремесла в погребениях родоплеменной аристократии как доказательство полифункциональности самой власти **[Ковалева, 1989, с. 21]**, А.Т. Синюк – в качестве продолжающегося сочетания власти с определенным видом специализированной деятельности **[Синюк, 1983, с. 168]**, а С.Ж. Пустовалов – в сохранении социальными верхами истоков своего ремесленного происхождения **[Пустовалов, 2005, с. 101]**.

Принципиально, что представленные погребения родовой аристократии со стрелочными наборами как раз не демонстрируют больших объемов полуфабрикатов, отщепов и заготовок, необходимых при ремесленном производстве наконечников, рассчитанном на регулярный спрос и сбыт. В них мы наблюдаем частичный набор орудий, минимум сырья, ассортимент готовой продукции. Не обязательно здесь и присутствие деревянных футляров.

В плане сказанного, погребения высшей катакомбной аристократии со стрелочными наборами и оружием подтверждают выводы В.М. Массона о том, что катакомбное общество находилось лишь на начальной стадии выделения воинского сословия и этот процесс еще не оформился в виде четкой системы культурно-обрядовых действий **[Массон, 2000, с. 152]**. Концентрируются такие захоронения только в зонах распространения ингульской и донецкой катакомбных культур. Причем для последней отмечен лишь бассейн Северского Донца. За пределами Украины нам известны только два случая выявления катакомбных стрелочных

производственных наборов в сочетании с символами власти, конкретно, булав. Один из них близ Шелаево на Осколе **[Карагодин, 1977, с. 230-232]** (левобережное российское Подонцовье), а второй – на р. Иловле (могильник Желтухин, кург. 6, погр. 4) **[Сергацков, 1999, с. 27, рис. 7]**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Технический прогресс в катакомбном обществе иллюстрируется не только развитой металлургией и металлообработкой, но и специализацией трудовой деятельности по изготовлению метательного оружия, прежде всего стрел, появлением в погребальном обряде производственных стрелочных наборов инструментов и разнообразного сырья. Унифицированные роговые и бронзовые отжимники – ретушеры, створки ископаемых и речных раковин для насыщения влагой отщепов и заготовок, серии каменных наковаленок и отбойников, желобчатые песчаниковые абразивы для шлифовки древок, состав кремневых орудий и стандартизация готовой высококачественной продукции – кремневых наконечников характеризуют функционирование значительного количества приспособлений и технических средств, олицетворяющих поступательный процесс оснащения специализированными средствами специальных видов трудовой деятельности, и являются ярким, наглядным доказательством широкой дифференциации и специализации технических приемов в рамках общинного производства и ремесла. В условиях донецкого и ингульского катакомбного общества подобная специализация видов работы, основанная на разделении труда, создала реальную основу для зарождения процесса вычленения из скотоводческого хозяйства ремесленного производства, формирования той производственной базы, на основе которой

происходило формирование раннеклассового общества и становление цивилизации.

На определенном этапе эволюции катакомбных племен неизбежно зародилось имущественное неравенство и право распоряжаться общественным богатством было присвоено представителями высшего сословия. Параллельно с системой обращения жизнеобеспечивающего продукта, как отмечает Ю.И. Семенов, возникла и особая система престижного дарообращения, приобретшая церемониальные формы: чем большим числом материальных ценностей человек единолично распоряжался, тем большим престижем и влиянием он пользовался **[Семенов, 1993, с. 57]**. Процесс утверждения имущественных отношений в катакомбном обществе нашел свое отражение в наличии в погребениях родовой знати оружия и престижных стрелочных наборов.

В хронологическом отношении появление и распространение производственных комплексов для изготовления стрел соотносится с развитым и поздним этапами донецкой и ингульской катакомбных культур. В предшествующую позднеямную эпоху была заложена основа их формирования. Традиция помещения таких наборов в погребения существует на протяжении всего позднекатакомбного времени и доживает до окончания финальнокатакомбного периода, маркируемого ранними древностями культуры многоваликовой керамики (или ранними бабинскими материалами). В широком плане данное обстоятельство устанавливает исключительно катакомбную культурную принадлежность всех производственных стрелочных наборов эпохи средней бронзы и возводит их в ранг одного из ведущих катакомбных культурных признаков. В финальнокатакомбных захоронениях на территориях прежнего проживания донецко-ингульского катакомбного населения эпизодически встречаются «урезанные» катакомбные производственные стрелочные наборы из желобчатых песчаниковых абразивов, ископаемых раковин, скудного кремневого сырья – Цимлянка II, кург. 1, погр. 3 **[Литвиненко, 1998,**

с. 103, рис. 2], сырья, желобчатых абразивов, пестов, ретушеров из клыков кабана, ископаемых раковин, усовершенствованных абразивов-оселков – Приволье, кург. 11, погр. 13 **[Литвиненко, 1998, с. 101, рис. 1]**, абразивных плиток, отщепов, желобчатых абразивов и оселков – Пологи, кург. 1, погр. 2 **[Попандопуло, 1991, с. 68, рис. 2]**. Самым представительным финальнокатакомбным стрелочным набором является комплекс орудий и сырья из Барвиновки (кург. 8, погр. 1), состоящий из девяти желобчатых абразивов, шести плиток, клыка и 65 кремневых отщепов, в том числе и с ретушью **[Пустовалов, 2001, с. 118-119]**. В отдельных захоронениях имеют место комплекты из кремневых наконечников стрел и желобчатых абразивов (Нижняя Бараниковка, кург. 5, погр. 10) **[Братченко, 2003, с. 207, рис. 38]**, семи наконечников стрел, скребка и отщепов (Беева Могила, погр. 3) **[Полидович, 1993, с. 81]**. На правобережье Нижнего Поднестровья в финальнокатакомбном погребении у Пуркары (кург. 1, погр. 38) около изголовья костяка взрослого человека, сопровождаемого каменным топором-молотком, зафиксирован производственный набор из кремневого ножа-кинжала на массивной пластине, четырех кремневых наконечников стрел, одной заготовки наконечника, двух бронзовых стержней **[Яровой, 1990, с. 82-85, рис. 37]**. Сохраняя полную культурную преемственность в инструментарии с наборами из катакомб, финальнокатакомбные производственные стрелочные комплексы репрезентируют уже разобщенность орудий, оскудение составов и угасание катакомбной традиции помещения с умершими специализированных комплектов инструментов.

В итоге донецкие и ингульские катакомбные погребения с наборами инструментов, полуфабрикатов и сырья для изготовления стрел и кремневых наконечников копий-дротиков включают разнообразный состав изделий, применяемых на различных стадиях процесса выработки метательного оружия. Их видовой состав свидетельствует о специализированном ремесленном произ-

водстве со сложными технологиями. Само ремесло мастеров-изготовителей, прежде всего стрел, являлось особо престижным, в силу чего производственные стрелочные наборы получили сакральное значение, ассоциированное с оружейным и военным делом, с воинской силой, могуществом и властью как таковой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агульников С.М. Погребение «мастера» катакомбной культуры в кургане с. Никольское // ТДНК «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». – Запорожье, 1990. – С. 3-4.
2. Андреев В.Н. Курган эпохи бронзы в Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье: ЗГУ, 1992. – С. 115-122.
3. Андреева М.В. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья. – М.: Наука, 1989. – С. 24-124.
4. Артемова О.Ю. Индивидуальная специализация в обществе аборигенов Австралии // Советская этнография. – 1984. – № 3. – С. 40-50.
5. Березанская С.С. Камнедобывающее и камнеобрабатывающее производство / Березанская С.С., Цвек Е.В., Клочко В.И., Ляшко С.Н. Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. – К.: Наук. думка, 1994. – С. 8-54.
6. Березанская С.С. Первые мастера-металлурги на территории Украины // Первобытная археология – поиски и находки. – К.: Наук. думка, 1980. – С. 243-256.
7. Березанская С.С., Цвек Е.В., Клочко В.И., Ляшко С.Н. Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. – К.: Наук. думка, 1994. – 189 с.
8. Березанська С.С., Ляшко С.М. Вивчення ремесла за виробничими комплексами з пам'яток доби бронзи // Археологія. – 1998. – № 3. – С. 18-30.
9. Березуцкая Т.Ю. Катакомбное погребение мастера-изготовителя стрел // Археология Доно-Волжского бассейна. – Воронеж: ВГПИ, 1993. – С. 47-52.
10. Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). – Харьков: ПФ «Амет», 2001. – 264 с.

11. Берестнев С.И. Новоплатоновский катакомбный курганный могильник на р. Оскол // Древности. – Харьков: «Бизнес Информ», 1995. – С. 134-155.
12. Берестнев С.И. Новые погребения эпохи бронзы с производственным инвентарем в лесостепи Левобережной Украины // ТДНК «Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини». – Полтава, 1990. – С. 110-112.
13. Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 19-110.
14. Бессонова С.С., Черних Л.А., Куприй С.А. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. – К.: Наук. думка, 1984. – С. 41-68.
15. Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. – М.: Наука, 1987. – 303 с.
16. Болтрик Ю.В., Левченко В.Н., Фиалко Е.Е. О позднеямных чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочной // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К.: РАМУС, 1991. – С. 57-84.
17. Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы // Проблемы археологии. – Вып. 2. –Ленинград: ЛГУ, 1978. – С. 48-53.
18. Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. – Луганськ: Шлях, 2001. – 196 с.
19. Братченко С.Н. Звіт Сіверськодонецької експедиції за 1972 р. (Олександрівськ) // НА ИА НАНУ, ф. э. 1972/33.
20. Братченко С.Н. Катакомбні та ямні матеріали з перших розкопок на Луганщині // Древности Северского Донца. – Вып. 4. – Луганск: Шлях, 2000. – С. 76-98.
21. Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 6. – Луганськ: СНУ, 2006. – С. 32-310.
22. Братченко С.Н. Лук і стріли доби енеоліту-бронзи півдня Східної Європи // Археологія. – 1989. – № 4. – С. 70-82.
23. Братченко С.Н. Могили бронзової доби в басейні р. Деркул // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Вып. 1. – Луганск: ВНУ, 2003. – С. 162-225.
24. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – К.: Наук. думка, 1976. – 251 с.

25. Братченко С.Н. Олександрівські могили-кургани в долині Лугані // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 8. – Луганськ: СНУ, 2008. (В печати).
26. Братченко С.Н. Соотношение каменной и бронзовой индустрии в энеолите и бронзовом веке // Донские древности. – Вып. 4. – Азов, 1995. – С. 79-92.
27. Братченко С.Н., Гершкович Я.П., Константинеску Л.Ф. та ін. Звіт Донецької експедиції за 1980 р. // НА ИА НАНУ, ф.э. 1980/3.
28. Братченко С.Н., Константинеску Л.Ф. Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 17-31.
29. Братченко С.Н., Писларий И.А., Зарайская Н.П., Горелик А.Ф. и др. Отчет Второй Северскодонецкой экспедиции об археологических исследованиях в Донецкой и Ворошиловградской областях в 1976 г. // НА ИА НАНУ, ф.э. 1976//10.
30. Власкин М.В. Археологические исследования могильника Новопалестинский 1 // Археологические записки. – Вып. 4. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 153-164.
31. Власкин М.В., Ильюков Л.С. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона // РА. – 1992. – № 3. – С. 178-194.
32. Волков П.В. Технологические различия процессов производства орудий из камня (человек и человекообразные обезьяны) // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. – СПб: ИИМК РАН, 2003. – С. 78-93.
33. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII Археологического съезда. – М., 1905. – С. 226-340.
34. Дергачев В.А. Курганы у с. Гура-Быкулуй // Курганы в зонах новостроек Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1984. – С. 3-36.
35. Дмитриев В.А. Новые погребения катакомбной культуры у г. Артемовска // ТДНК «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». – Донецк, 1989. – С. 100-101.
36. Евдокимов Г.Л. Погребения мастера-костореза из Брилевского могильника // ТДНК «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общ-

ности многоваликовой керамики (КИОМК)». – Запорожье: ЗГУ, 1998. – С. 10-19.

37. Ильюков Л.С. Каменные навершия булав эпохи средней бронзы из Нижнего Подонья // ТДНК «Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ». – Часть 1. – Москва, 2003. – С. 112-113.
38. Карагодин М.И. Новые находки бронзового века в Шелаево (р. Оскол) // СА. – 1977. – № 2. – С. 229-232.
39. Килейников В.В. Каменные навершия булав бронзового века лесостепного Подонья // Археологические памятники бассейна Дона. – Воронеж: ВГПУ, 2004. – С. 131-145.
40. Кияшко В.Я., Яценко В.В. Погребение с набором инструментов эпохи средней бронзы // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. – Азов, 2001. – Вып. 17. – С. 274-286.
41. Клейн Л.С. Происхождение нуля, или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // Стратум: структуры и катастрофы: сборник символической индоевропейской истории. – СПб: Нестор, 1997. – С. 47-66.
42. Клименко В.Ф. Курганные древности Северского Донца. – Енакиево, 1997. – 319 с.
43. Клименко В.Ф., Цимбал В.И. Катакомбные погребения с производственным инвентарем в Среднем Подонцовье // ТДНК «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.)». – Тирасполь, 2002. – С. 139-142.
44. Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Мартюшенко Д.В. Курганы эпохи бронзы степного правобережья Днепра // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1989. – С. 4-26.
45. Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачев В.А., Попцов В.А. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: ДГУ, 1977. – С. 8-113.
46. Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е., Шалобудов В.Н. Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1995. – С. 4-35.

47. Ковалева И.Ф. К вопросу о развитии ремесла в эпоху бронзы // Древности степного Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1983. – С. 40-47.
48. Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века. – Днепропетровск: ДГУ, 1989. – 88 с.
49. Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993-1995 гг.). – Часть II. – Запорожье: ЗНУ, 1998. – 195 с.
50. Корпусова В.Н. Курганы у с. Целинное // Курганы степного Крыма. – К.: Наук. думка, 1984. – С. 69-107.
51. Кравец Д.П. К вопросу о деревообработке у племен донецкой катакомбной культуры // Донецкий археологический сборник. – № 2. – Донецк: ДонГУ, 1992. – С. 29-39.
52. Кравец Д.П. О донецком очаге по добыче и обработке кремня эпохи средней бронзы // ТДНК «Древние общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.)». – К., 1991. – С. 106-107.
53. Кравец Д.П. Раскопки кургана в урочище Хамуш-Оба // Донецкий археологический сборник. – № 2. – Донецк: ДонГУ, 1992. – С. 160-180.
54. Кравец Д.П., Татаринов С.И. Новые катакомбные памятники Бахмутского края // Донецкий археологический сборник. – № 7. – Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 77-115.
55. Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад // Труды ГИМ. – 1949. – Вып. 1 – 28 с.
56. Кубышев А.И., Нечитайло А.Л. Центры металлообрабатывающего производства Азово-Черноморской зоны (к постановке проблемы) // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К.: РАМУС, 1991. – С. 6-21.
57. Кубышев и др. Отчет об исследованиях Херсонской экспедиции в 1982 г. // НА ИА НАНУ, ф.э. 1982/34.
58. Кулик С.Ю. Набор инструментария мастера-лучника из нижнедонского погребального комплекса // ТДНК «Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век)». – Часть 1. – Донецк, 1996. – С. 49-51.

59. Кульбака В., Качур В. Індоєвропейські племена України епохи палеометалу. – Маріуполь: МГІ, 2000. – 80 с.
60. Кульбака В., Качур В. Соматичні культури бронзового віку півдня Східної Європи. – Маріуполь: МГІ, 1998. – 60 с.
61. Литвиненко Р.А. Погребения КМК с производственным инвентарем // ТДНК «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)». – Запорожье: ЗГУ, 1998. – С. 97-105.
62. Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). – Запорожье: Дикое поле, 2004. – 178 с.
63. Марина З.П. Изделия из кремня и камня в ямных погребениях левобережного предстепья // ТДНК «Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий». – Донецк, 2000. – С. 67.
64. Марина З.П., Ковалева И.Ф., Ромашко В.А. Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка-Бузовка // Древности степного Поднепровья (III – I тыс. до н. э.). – Днепропетровск: ДГУ, 1982. – С. 4-18.
65. Марина З.П. Ямные погребения левобережья Днепра с производственным инвентарем // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1995. – С. 63-77.
66. Массон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб.: Европейский дом, 2000. – С. 135-166.
67. Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва) / Пер. с санскрита Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. – М.: Наука, 1990. – 326 с.
68. Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. – М.: Наука, 1989. – 136 с.
69. Михайлов Б.Д. Скульптура головы Вешапа в гроте Каменной могилы // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье: ЗГУ, 1992. – С. 99-105.
70. Николова А.В., Бунятян Е.П. Погребение «мастера» с Никопольщины // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К.: РАМУС, 1991. – С. 128-136.

71. Отрощенко В.В., Болдин Я.И., Гошко Т.Ю., Ляшко С.Н. и др. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1981 году // НА ИА НАНУ, ф.э. 1981/10.
72. Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 59-84.
73. Парусимов И.Н. Раскопки курганов у станицы Бессергеневской и хутора Малый Керчик // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. – Вып. 6. – Ростов-на-Дону, 2002. – 104 с.
74. Писларий И.А. Деревообработка в эпоху меди-бронзы в Донецкой лесостепи // ТДНК «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». – Донецк, 1979. – С. 20-21.
75. Писларий И.А., Дубовская О.Р., Смирнов А.М. Отчет Северскодонецкой экспедиции за 1977 г. // НА ИА НАНУ, ф. э. 1977/12.
76. Писларий И.А., Кротова А.А., Клочко Т.Н. Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. – К.: Наук. думка, 1976. – С. 21-28.
77. Писларий И.А., Филатов А.П. Тайны степных курганов. – Донецк: Донбасс, 1972. – 133 с.
78. Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 35-98.
79. Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В. Курганы верховьев Ингульца. – Вып. 3. – Кировоград, 1994. – 95 с.
80. Попандопуло З.Х. Курган «Соколовский» у города Пологи // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Вып. 2. – Запорожье: ЗГУ, 1991. – С. 66-76.
81. Попандопуло З.Х. Первомайский курганный могильник у с. Приморье // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Вып. Ш. – Запорожье: ЗГУ, 1992. – С. 82-98.
82. Посредников В.А. Исследование кургана 6 у с. Октябрьское // Древности Северского Донца. – Луганск: ВГУ, 1992. – С. 58-65.
83. Потапов В.В. Курганный могильник «Приморский» // Курганы Северо-Восточного Приазовья. Материалы и исследования Таганрог-

ской археологической экспедиции. – Вып. 3. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 130-137.

84. Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени Среднего Подонья. – Воронеж: ВГУ, 1982. – 160 с.
85. Пустовалов С.Ж. Багатокамерні поховання та деякі питання соціальної структури катакомбної спільності // Археологія. – 1990. – № 3. – С. 56-67.
86. Пустовалов С.Ж. Комплекс курганов № 7, 8, 9 Довгой Могилы у села Барвиновка Запорожской области // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – № 9. – Запоріжжя: ЗДУ, 2001. – С. 115-138.
87. Пустовалов С.Ж. Особенности ориентировок катакомбных погребений Северного Причерноморья // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Вып. 2. – Запорожье: ЗГУ, 1991. – С. 38-45.
88. Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. – К.: Шлях, 2005. – 412 с.
89. Разумов С.Н. Кремневые наконечники копий и дротиков из погребений ямной культурно-исторической общности Северного Причерноморья // ТДНК «Проблемы истории и археологии Украины». – Харьков, 2001. – С. 30-31.
90. Разумов С.М., Шевченко Н.П. Катакомбне поховання з «виробничим набором» Північно-Західного Надазов'я // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 7. – Луганськ: СНУ, 2007. – С. 110-118.
91. Рамаяна / Пер. с санскрита В. Потаповой. – М.: Худож. литература, 1986. – 240 с.
92. Рыбалова В.Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. – 1974. – Вып. 16. – С. 19-49.
93. Рындина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник Московского университета. – История. – № 6. – М.: МГУ, 1978. – С. 74-86.
94. Санжаров С.Н. Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней – поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. – Луганск: ВНУ, 2004. – 160 с.
95. Санжаров С.Н. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. – Луганск: ВНУ, 2001. – 172 с.

96. Санжаров С.Н. О некоторых аспектах изучения катакомбных наборов «стрелочников» // ТДНК «Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным». – М., 1988. – С. 25-27.
97. Санжаров С.Н. О некоторых направлениях в изучении катакомбных древностей Восточной Украины // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: ВУГУ, 1996. – С. 231-234.
98. Санжаров С.Н. О позднекатакомбных погребениях в ямах Северского Донца // Донская археология. – 2002. – № 3-4. – С. 17-24.
99. Санжаров С.Н. О социальной значимости одной группы катакомбных погребений // ТДНК «Археология и краеведение – школе». – Донецк, 1985. – С. 17-18.
100. Санжаров С.Н. О социальной структуре катакомбного общества Восточной Украины (эпоха средней бронзы) // Історичні записки. – Вип. 16. – Луганськ: СНУ, 2007. – С. 149-160.
101. Санжаров С.Н. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины // СА. – 1989. – № 2. – С. 97-107.
102. Санжаров С.Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. – 1988. – № 1. – С. 140-158.
103. Санжаров С.Н. Позднекатакомбные погребения из Северо-Восточного Приазовья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К.: РАМУС, 1991. – С. 235-253.
104. Санжаров С.Н., Бритюк А.А. Краснозоринский курганный могильник в бассейне Лугани // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: ВГУ, 1996. – С. 58-132.
105. Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В. Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Украины // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Вып. 1. – Луганск: ВНУ, 2003. – С. 122-161.
106. Санжаров С.Н., Привалов А.И. Неординарное позднекатакомбное погребение на Донетчине // Древности Волго-Донских степей. – Вып. 2. – Волгоград: Перемена, 1992. – С. 105-110.
107. Семенов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития (часть 1) // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 1. – С. 52-70.

108. Сергацков И.В. Памятники эпохи средней бронзы на р. Иловле (раскопки 1989-92 г.) // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Вып. 3. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-30.
109. Серова Н.Л., Яровой Е.В. Григориопольские курганы. – Кишинев: Штиинца, 1987. – 154 с.
110. Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. – Часть 1. – Саратов: СГУ, 1978. – 132 с.
111. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). – Воронеж: ВГУ, 1983. – 192 с.
112. Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. – М., 1996. – 182 с.
113. Смирнов Ю.А. К теории отражения социального статуса умершего в погребальном обряде // Теория и прикладные методы в археологии. – Саратов: СГУ, 1994. – С. 16-24.
114. Смирнов Ю.А. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. – М.: Наука, 1983. – С. 164-187.
115. Субботин Л.В. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья // РА. – 1995. – № 3. – С. 193-197.
116. Филатов А. Репортаж из глубины веков // Жизнь Луганска. – 2007. – № 50 (907). – С. 8.
117. Цимиданов В.В., Кравченко Э.Е. Исследования кургана в среднем течении Северского Донца // Проблемы археологии и архитектуры. – Вып. 1. – Донецк-Макеевка: Журнал «Донбасс», 2001. – С. 70-91.
118. Черных Л.А. Исследование социально-исторических аспектов первобытного ремесла в советской археологии / Генинг В.Ф., Смирнов С.В., Захарук Ю.Н. Проблемная ситуация в современной археологии. – К.: Наук. думка, 1988. – С. 161-196.
119. Черных Л.А. О некоторых аспектах социальной интерпретации погребений с производственным инвентарем // ТДНК «Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии». – Тамбов, 1996. – С. 16-19.
120. Шарафутдинова И.Н. Курган у с. Пелагеевки // Древности Поингулья. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 79-98.

121. Шарафутдинова Э.С. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // КСИА. – 1983. – № 176. – С. 15-23.
122. Шахров Г.И., Гречаный В.М. Раскопки кургана на трассе Симферополь-Москва близ города Васильевка // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Вып. 2. – Запорожье: ЗГУ, 1991. – С. 77-82.
123. Шмаглий Н.Н., Черняков И.Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964-1966 гг.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 6. – Одесса: Маяк, 1970. – С. 5-115.
124. Шепель Е.А. Население бассейна Северского Донца в эпоху энеолита-бронзы по антропологическим данным. Диссертация канд. ист. наук // НА ИА НАНУ, Оп. 2, № 110.
125. Юдин А.И., Лопатин В.А. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА. – 1989. – № 3. – С. 131-140.
126. Яровой Е.В. Курганы энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 270 с.
127. Gimbutas M. The Kurgan Wave 2 (3400-3200 BC) into Europe and the Following Transformation of Culture // The journal of Indo-European Studies, 1980. – Vol. 8. – № 3 and 4. P. 273-315.
128. Klein L.S. Reiche Katakombengraber. – Ethnographisch – Archaologische Zeitschrift. – № 8. – Berlin, 1967. – P. 210-227.
129. Klochko V.I. Maces of the Neolithic-Bronze Age of the Northern Pontic Region // Baltic-Pontic Studies. – 2002. – V. 11. – P. 22-30. 127.
130. Pustovalov S.Z. Economy and social organization of Northern Pontic Steppe – forest-steppe pastoral populations: 2750-2000 BC (Catacomb Culture) // Baltic-Pontic Studies. – 1994. – Vol. 2. – P. 86-134.
131. Woolley L. The Excavations in the Inner Town // Carchemish. Report on the Excavations at Jerablus on behalf on the British Museum. – Part 3. – London, 1952. – 224 p.

RESUME

Sanzharov S.N.

POINTER SETS OVER OF TOOLS AND RAW MATERIAL FROM CATACOMB BURIALS OF UKRAINE

Technical progress in the Catacomb society can be illustrated not only by the developed metallurgy and metal working but also by specialization of labour activity on making of missile weapon, first of all arrows, by the appearance in the funeral ritual of working tools for production arrow sets and various raw material. Compatible horn and bronze pressure flaking tools (retouchers), leaves shells, used for a moisturizing of flakes and half-finished products, series of small stone anvils and hammer-stones, chamfer sandstone abrasives for shafts grinding, complexes of flint instruments and standardization of the finished high-quality products – flint arrow points – all these features describe the developing of variety of tools and skills, and forward process in invention of special equipment for special types of labour activity, and can be used for the bright evident for wide division and specialization of technical receptions in the area of the communal production. Within the limits of the Donets and Ingul Catacomb society the similar specialization of working types, based on the division of labor, provided a real basis for the beginning process of separation from the cattle breeding economy of the manufacturing, forming of that production base which formed earlyclass society and became the basement of the Civilization.

On the certain stage of the Catacomb tribes evolution an appearance of property inequality is inevitable and all rights of using public property begin to concentrate in the hands of higher classes representatives. At the same time with the system of appeal of life-support products there was the special system of prestige gifting, which begin to perform ceremonial meaning: the more material values person individually used, the more influence he had and more important in the society he was. The process of claiming the property relations in the Catacomb's society was presenting in the burials of the nobility by the weapon and prestige arrow sets.

In a chronological aspect, appearance and spreading of production of arrows making complexes are correlated with the developed stage of the Donets and Ingul Catacomb cultures. The basis of their forming lies in a previous the Late Yamna epoch. Tradition of placing such sets in burials exists during all time of the Late Catacomb period and lives until the end of the Final Catacomb period, marked by early antiquities of the Mnogovalikova Culture period (or by the Early Babino materials). In a wide meaning, this circumstance sets exceptional belonging of all arrow production tools sets of Middle Bronze Epoch to the Catacomb culture and makes them one of the leading Catacomb Cultural signs. In the Final Catacomb burials on territories of former residence of the Donets and Ingul Catacomb population some «reduced» Catacomb tools sets made from chamfer sandstone abrasives, shells, poor flint raw material episodically appeared.

Saving a complete cultural tradition in the instruments from the Catacomb Culture, the Final Catacomb arrows production complexes represent separation of instruments, scarcity of compositions and dying of the Catacomb tradition placing specialized tool sets with the dead people.

As a result the Donets and Ingul Catacomb graves with the sets of tools, half-made products and raw material for producing arrows and flint arrow points, included various composition of wares used on the different stages of processing shaft weapon. Their specific compo-

sition indicates specialized hand production with compound technologies. The production activity of arrow-makers was mainly prestigious, so arrow-production sets in the graves received a sacral meaning and importance associated with armory and military art, martial spirit, dominant influence and totally with wield power.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет

ВНУ – Восточноукраинский национальный университет

ВУГУ – Восточноукраинский государственный университет

ДГУ – Днепропетровский государственный университет

ДНУ – Днепропетровский национальный университет

ДонГУ – Донецкий государственный университет

ДонНУ – Донецкий национальный университет

ЗГУ – Запорожский государственный университет

ЗНУ – Запорожский национальный университет

МГІ – Маріупольський гуманітарний інститут

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА – Научный архив

РА – Российская археология

РАМУС – Республиканская ассоциация молодых ученых и сотрудников

СА – Советская археология

СГУ – Саратовский государственный университет

СНУ – Східноукраїнський національний університет

ТДНК – Тезисы докладов научной конференции

Науковс видання

САНЖАРОВ Сергій Миколайович

СТРІЛОЧНІ НАБОРИ ІНСТРУМЕНТІВ І СИРОВИНИ З КАТАКОМБНИХ ПОХОВАНЬ УКРАЇНИ

РОСІЙСЬКОЮ МОВОЮ

Редактор	*О.О. Мартинцева*
Техн. редактор	*Т.М. Дроговоз*
Оригінал-макет	*Є.О. Черних,*
	Т.В. Погорєлова
Художнє оформлення обкладинки	*Т.В. Погорєлова*

Підписано до друку 03.06.2008 р.
Формат 60x84 1/16. Папір типогр. Гарнітура Times.
Друк офсетний. Умов. друк. арк. 4,9. Обл.-вид. арк. 5,8.
Тираж 300 прим. Вид. № 2059. Замов. №397 . Ціна вільна

Видавництво
Східноукраїнського національного університету
імені Володимира Даля

Свідоцтво про реєстрацію: серія ДК №1620 від 18.12.2003

Адреса видавництва: 91034, м. Луганськ, кв. Молодіжний, 20а
Телефон: 8 (0642) 41-34-12. **Факс**: 8 (0642) 41-31-60
E-mail: uni@snu.edu.ua. **http**://snu.edu.ua

Надруковано в ПП Сувальдо В.Р.
91034, м. Луганськ, вул. Лермонтова, 1б